

**МАУК «МЕЛЕУЗОВСКАЯ ЦБС»
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА - ФИЛИАЛ №1
ИМ. М. БУРАНГУЛОВА**

Имя его в сердце народном

Мухаметша Бурангулов (1888 -1966)

Дайджест

Мелеуз 2011

**Имя его в сердце народном: М. Бурангулов (1888 - 1966) [Текст] :
дайджест / сост. Н. С. Исхакова. - Мелеуз, 2011. - 102 с.**

К читателю

Творцами и хранителями башкирского эпоса были народные сэсэны, которые играли большую роль в общественной жизни башкир и пользовались огромным авторитетом, выступали выразителями интересов, дум, чаяний народа.

Народ называл сэсэном лишь исключительно одаренных сказителей, которые обладали не только исполнительским талантом, но и способностью к импровизации. Именно таким подлинно народным сэсэном являлся Мухаметша Бурангулов, воплотивший в себе главные свойства многогранной деятельности изустных мастеров XVI - XIX вв.: импровизаторской, исполнительской, собирательской, общественно-политической.

Мухаметша Бурангулов был разносторонним литературным деятелем: сэсэном, драматургом, прозаиком, ученым-исследователем собирателем фольклорных текстов. Благодаря его самоотверженным усилиям и огромному труду нынешнее поколение башкир могут с гордостью и восхищением приобщиться к великим духовным ценностям, созданным своими предками.

Легенды и предания, героико-эпические сказания, описание свадебных обрядов вошли в золотой фонд башкирского фольклора. Сюжеты его сценических произведений навеяны мотивами башкирских песен-преданий, в них нашли отражение своеобразие быта, традиций, обрядов и поверий башкир.

Постановкой пьесы «Ашкадар» («Ашказар») в 1919 открылся Башкирский театр драмы. Его пьесы «Шаура» («Шэурэкэй», 1925-48), «Башкирская свадьба» («Башкорт туйы», 1930-39), «Идукай и Мурадым» («Изеукэй менэн Моразым», 1940-43) составляли в 20-30 гг. основу репертуара башкирских театров.

В 1990 году впервые было подготовлено к изданию двухтомное собрание произведений М. Бурангулова.

Мелеузовцы бережно хранят память о народном сэсэна Башкортостана. Одна из улиц города Мелеуза названа его именем. Носит имя сэсэна также наша библиотека №1 и весь материал о нём мы решили собрать в дайджесте «Имя его в сердце народном».

Дайджест включает в себя статьи из газет, журналов за период с 1977 - 2006 г.г., рукописные материалы, написанные в 1959 году и состоит он из трёх разделов.

В первом разделе «Судьба башкирского сэсэна» читатель найдёт материалы известных людей, посвященные жизни и творчеству М. Бурангулова.

Во втором разделе «Душа народная хранит» собраны биографические материалы о самых плодотворных годах его творчества (1924-1937г.г.) на Мелеузовской земле, где он написал свои замечательные произведения, как «Ялан Яркэй», «Шауэрэкэй», «Кара юрга», «Дочь муфтия Фатима», «Башкирская свадьба» и другие.

Третий раздел дайджеста «Наследие сэсэна» включает в себя перечень изданной литературы, которая имеется в фонде нашей библиотеки.

Мы надеемся, что дайджест окажет большую помощь студентам и учащимся общеобразовательных школ в написании рефератов и исследований по творчеству сэсэна, в оформлении альбомов.

Учителя школ и преподаватели профессиональных учебных заведений могут воспользоваться материалами для проведения краеведческих уроков, часов истории, бесед, обзоров, а любители краеведческой литературы найдут для себя много новой информации о жизни и творчестве М. Бурангулова.

Судьба башкирского сэсэна

«Драматичность судьбы не обесценивает её судьбу, а наоборот, увеличивает её ценность; не каждый может принять огонь на себя...»

Азат Абдуллин

Личная жизнь этого знаменитого любимого народом человека сложилась очень трудной. По необоснованным обвинениям в период культа личности он несколько раз оказывался в заключении. Но сэсэн не потерял веру в победу справедливости, весь смысл своей жизни видел в служении родному народу.

- 1. М. Бурангулов. Автобиография [Рукопись]: (орфография и исправления от руки сохранены). / М. Бурангулов. - Научный архив ИИЯИИ БНЦ УРО РАН ф. 25, оп. I, ед. хр. 57. - 1959. - 17 ноября. - 12 с.**

Я, Бурангулов Мухаметша Абдрахманович, родился в 1888 году, 15 декабря в деревне Верхне - Ильясово, бывшей Самарской губернии, Бузулукского уезда, ныне Оренбургской области, Люксембургского района, в семье крестьянина. Родители умерли в 1900 году, жил и воспитывался у родственников. После окончания начальной школы в 1901 учебном году совсем уехал в г. Оренбург. Летом работал в чайне столовой у Баязитова Багаутдина, как официант, а зимой учился в медресе Саитовской пасадэ в Каргале у Галикеева при 7 –е мечете. Летом 1903, 1904, 1905 годов работал в городе Актюбинске на мельнице Забиров Фаткуллы, приемщиком. Летом 1906 года учительствовал среди казахского населения Актюбинского уезда. Летом 1907, 1908 годах ездил по Башкирии во время дополнительной переписи среди башкир, как переводчик. Используя этот момент, собирал

башкирский фольклор. Летом 1909, 1911 г. также учительствовал среди казахского населения, зимой учился в г. Оренбурге в медресе «Хусаиния». В 1910 году в октябре призывался в военную службу, остался белобилетником – негодным. В 1911 году окончил медресе «Хусаиния», и поступил учительствовать.

С 1912 года учительствовал в деревне Каипкулово, Оренбургского уезда, ныне Чкаловской области. В 1914 году во время мобилизации не было льготы и для сельских учителей за исключением мулл и преподавателей приходских школ. Общее собрание Каипкуловского общества своим постановлением, т. е. приговором назначили преподавателем приходской школы при Каипкуловской мечети на правах муллы и ходатайствовали об..... (далее неразборчиво) Был объявлен приказ об освобождении сельских учителей от военной службы. Используя это, я уехал в Бузулук и поступил школьным инструктором. С 1916 по 1918 год работал при Бузулукском отделе народного образования в качестве школьного инструктора.

В 1917 году 25 декабря состоялся учредительный съезд «Курултай». На этом съезде была объявлена «Башкирская автономия». После этого съезда башкирское население Бузулукского уезда вошло в состав Тук - Чураевского кантона и при кантонной управе был организован отдел народного образования, где я был назначен зав. отделом народного образования.

В 1919 году 18 февраля после перехода Башкирии в сторону Советов, на первом кантонно - районном съезде меня избирают членом тукчуранского кантисполкома и был избран председателем исполкома и работал до конца 1920 года.

С 1921 по 1938 год работал в разных районах Башкирии в техникуме и н.с.ш. в качестве преподавателя башкирского языка и литературы.

В 1935 году окончил заочно Педагогический институт литературное отделение в Уфе. С июля 1939 г. по 1941 г. работал научным сотрудником института языка и

литературы. Все время параллельно я вел работу по сбору народного творчества фольклора. Из собранного фольклорного материала написал: рассказы, эпосы, пьесы, либретто.

В 1914 году был напечатан рассказ «Ашкадар» в журнале «Шуро» в Оренбурге. Этот рассказ переделал на драму, она поставлена на сцену с 1918-1930 г. г., и она была издана в 1925 году на башкирском языке.

С 1918 - 1950 г.г. мною был написан более 15 театральных произведений и были поставлены некоторые из них: академтеатре, некоторых районных, колхозных театрах Башкирии. А также опера композитора Эйхенвальда / «Мэргэн», и «Ашкадар»/ много было написано либретто.

В настоящее время работаю над драмой «Таштугай».

М. Бурнгулов.

17 ноября 1959г.

Домашний адрес: г. Уфа, ул. Тукаева, 37, кв.5.

Научный архив ИИЯИИ БНЦ УрО РАН ф.25, оп.І, ед.хр. 57.

Орфография и исправления от руки сохранены

Дополнение к автобиографии

После Октябрьской революции была написана и включена в репертуар в Башгостеатре с 1919 по 27 и 30 год следующие пьесы: «Шаврякай», «Ялан-яркай», «Буранбай», «Башкирская свадьба», «Алпамыш батыр», «Кара юрга», «Кагармал кантон», «Салим кантон», все эти пьесы были написаны на основе фольк. материала. Легенды, исторические народные песни, «Башкирская свадьба» были изданы в 1930 году. Кроме этих были написаны на сов. тематику «Прокурор»/ издана в 1930 году, «Абзалиловская шайка», была включена в репертуар в 1927-30 году, но не издано, «Колхозники» было издано в журнале «Октябрь», 1930 г.

В 1938-39 г. шла и в настоящее время включена в репертуар Башакадемтеатра «Гульсясяк», написана из быта ХУІІІ века и восстание Акая «Карасакал», «Яшерен юзляр» (скрытое лицо) из истории гражданской войны Башкирии, «Юнуш Салават», будет переведен на русский язык, написана для «ТЮЗ», а либретто «Мяргян» и «Ашкадар».

Написал и последним пишут музыку А. А. Зихенвальд, «Мяргян» включен в репертуар в 1940 году. Из своего архивного материала мною составлен и дан Баш. гос. газету, будет издан в 1940 году сбор. эпос «Идукай и Мурадым», «Мяргян», «Карасакал», «Салават», в размере 12 печатных листов, а также составляется и будет издаваться сборник исторических и эпических песен и легенд 10 печатных листов.

Выписка из личной карточки члена ССП СССР от 11.08.44

Литературный жанр	Драматург, сэсэн
Начало литературной работы	с 1914г. 1917 г.
партийность	б/п
образование	среднее
знание иностранных языков	арабский /пишу, читаю/, русский, татарский, казахский

Выписка из автобиографии в рукописи от 9 декабря 1964г.

- родился в 1888 году 15 декабря /по новому стилю – 28 декабря/
- домашний адрес: г. Уфа, ул. Мингажева, 125, кв.45

Автобиография и характеристика

В 1932 г. 19 января Старомусинский с / совет и колхоз «Пробуждение» / Торского р-на БАССР Бурангулову Мухаметше дает в нижеследующем о его работе от 1905 г. по 1932 год.

Бурангулов Мухаметша Абдрахманович по согласии с жителями Торского района Араслановской волости д.Тюляковой переехал из Тукчуранского к-на в д. Тюлякова. С этого времени, т.е. с 1924 г. он – Бурангулов Мухаметша работал с бедняцкой группой активно и руководил в организации с /хоз. артели.

Его практическая работа:

- 1) В деревне Тюляково был мост-паром с доходностью 2-3 тысячи руб. Эти доходы принадлежали здешним кулакам. Т. Бурангулов Мухаметша

согласовался с бедняками и организовал крестьянский комитет, эти доходы перешли беднякам и он этим комитетом руководил.

- 2) Под руководством тов. Бурангулова М. с бедняками, батраками несмотря на сопротивление кулаков в 1929 году организовалась в д. Тюлякова с/х артель, куда тов. Бурангулов вошёл первым членом этой артели.
- 3) В 1930 году, когда он был учителем, вел с кулаками борьбу и дал им отпор, через письмо указал, как надо работать в колхозе и как бороться с кулаками и подкулачниками.

В начале 1931 г. ликвидация кулачества как класса т. Бурангулов М. участвовал активно и в этом же году ликвидировали кулаков на 100% и он вел борьбу с остатками подкулачниками.

В 1931 году по инициативе тов. Бурангулова у нас организовали колхоз «Пробуждение», вот это его практическая работа с активами и с бедняцкой группой нашего с/совета.

- 4) Бурангулов М., учитель в деревне Тюляково неустанно и без отказа работает в колхозе и помогает в работе с /Совета.

П.И /Соц. происхождение Бурангулова М. середняк/ на основании имеющихся документов / родился в 1889 г. С 1905 по 1912 г. учился в г. Оренбурге в медресе «Хусаиния» и в Каргалах Оренбургской губернии, с 1913-1916г. учитель в Кауткуловской школе Оренбургской губ. №№ 142, 4/ УІ-29г.; 103 3/ІІІ-31 г.; №119,15 / ІХ-1912 г., №97 -15 / п-1917г.

2. В 1916 году работал в Бузулукском отделе народного образования и до 1918 г. учитель / №869 –І / УІ – 1919/

3. Когда «Ток - Чурана» входит в Башкирии, Бузулукский отдел народного образования сливается с Ток - Чуранским отделом народного образования и в 1919 году І-го тов. Бурангулов М. выбирается на І-м съезде зам. председателя Тукчаранского конисполкома и назначается зав.отд. народного образования /№1997-8/УІІІ-20г./

4. Бурангулов М. соцположение – середняк, февральской революции агитирует в деревне против помещиков - Бурангулова Зарифа, Масалимовых и их раскулачивает и работает среди бедняков, батраков.

5. В 1918 году в мае месяце едет представителем от Бузулукского отдела народного образования на съезд ВКП РСФСР в г. Казань. С приездом из Казани в Бузулуку по указанию помещиков Кудинова Дмитрия, Бурангулова Зарифа и Старпина Юлтаева – Бурангулова М. чехи арестовывают.

В Оренбурге организовался в этот момент Башкирск. Государство, которое защищало чехов. Когда арестовали Бурангулова М. бедняки из деревни едут просить об освобождении, но это правительство отказывается, в это время пред. баш. правительства был Мирасов С. и Мутин, после взятия красными Бузулука, красные освобождают его как большевика.

После освобождения Ток - Чурана от белых бандитов тов. Бурангулов назначается контисполкома, в этот момент 1919, с уполномоченным Москвы ЦК партии тов. Зарецкий работает с бедняками, батраками активно.

6. В 1921 году по телеграмме / уполномоченного ВЦИК и Наркома нации/ Пестухова и Худайбердина, тов. Бурангулов принимается на работу в Стерлитамаке БНКП / №4 502-9 / УИ-22г., №042 -10 / IX-25 г., 1101-19/ XII-30г., 402 -6 / УШ-31 г.. 28/ 231, 13/X -31 г./ С 1921 года по 1932 год работает просвещенцем, сейчас тов. Бурангулов учителем в Мелеузовском районе, с. Мелеузе, проживает в д.Тюляково, Стаомусонского с/совета.

Эту характеристику заверяет председатель с/совета и пред. колхоза «Пробуждение» и активы на основании официальных документов.

активы д. Тюлякова - Юркаев, Татлибаев

Пред. колхоза «Пробуждение» Кудисов, Секретарь - Сулеев

Пред. с/совета Старо-Мус. Татлибаев, Секретарь - Файзуллин

Верно: Орг. Отд. РК ВЛКСМ - Татлибаев

С подлинным верно. Управделами ИН-та: подпись /Носков/

Дополнение

С 1930 по 1935 год работал в с. Мелеузе в качестве преподавателя языка и литературы ср. школы. С 1935 – 36г. работал в Чишминском районе ст. Юматово в сельхозтехникуме в качестве преподавателя баш. языка и литературы. С 1936 по 1937 г. работал в Альшеевском районе в качестве преподавателя баш. языка и литературы. 25 августа 1937 года был снят с работы быв. нар. просвещения ныне арестованным Абызбаевым / приказ №183 от 25/ УП-37 г., 23 декабря 1937 г. был арестован органами НКВД и освобожден по постановлению 3-го отд. УГБ НКВД БАССР 29 / УП – 38 г., №13418, так же восстановлен в правах учителя. С 1-го сентября 1938 года работаю в г. Уфе в Научно-исследовательском институте языка и литературы в качестве научного сотрудника по фольклору.

21 / П-39г. М. Бурангулов / личная подпись/

Печать. Подпись Бурангулова – удостоверяю

Управделами Ин-та Носков /подпись/

Библиография трудов Бурангулова М.А.

Год издания	Наименование	стр.	жанр	Критич.статьи о произвед
1923	«Ашкадар»	85	драма	газета «Башкурдстан» 1924 газ. «Башкурдстан» «Татарстан», 1930 г.
1924	«Кара-юрга»	45	комедия	
1928	«Айсылу»	19	проза	
1929	«Котмяганда	4	- //-	
1930	очерау»	111	муз. драма	
1930	«Башкурт туе»	60	драма	
1930	«Прокурор» «Колхлзсылар»	30	- //-	

напи-сано	Неизданные произ-ия	стр.	жанр	Заклучен договор для изд.
1920	«Зангар шаль»	90	муз.драма.	Оренбург. кн. Магазин
1921	«Тафтилау»	75	- //-	«Янги /далее не разборч.
1923	«Салимкантон»	85	драма	1924, 18 / I №62
1922	«Алпамыша»	90	- //-	
1925	«Шарра-килен»	90	- // -	Г.Уфа, «Башк.../ далее не разборч.
1926	«Ялан-яркай»	70	- // -	/, 1928, № 170
1926	«Буранбай»	60	муз.драма	«Башкниг», 19.../ не разб.
1927	«Ирек коряши»	80	драма	- // - 1929г.
1921-34	«Яшерен юзляр»	100	- //-	- Л - 1935г.
1933	«Калым»	80	либретто	Науч.инст.башкир., 1933
1938	«Таштугай»	26	проза	- // - 1939
1935	«Гулсэсэк»	83	муз.драма	На постановл... /не разб./
1940	«Мэрген»	30	либретто	По делам искусств БАССР
				Подпись Бурангулова М.А. На ИИЯЛ БНЦ, ф.25, оп. I.ед.55 рукопись

Основные произведения писателя

Год издания	Наименование произведения
1923	Драма «Ашкадар»
1930	Драма «Башкирский туй»
1930	Драма «Прокурор»
1940	Эпос «О богатырях»
1942	Кобайыр «Отечественная война 1812 года»
1944	Кобайыр «Отечественная война 1940 года»
машинопись на бланке без подписи ф.25, оп. I, ед.55	

Биография трудов Бурангулова М. А.

Название	жанр	год изд.	Критич.статьи	примечание
1.«Ашкадар»	повесть	1914		в ж.»Шуро» на основе легенды
2. //- //-	драма	1923	в 1918 г. 8 / IY в газ. в Оренбурге	I-я постановка б.. в Уфе 4.04.18
3.«Ялан-яркай»	- //-	-	1922 газ. «Баш-н» и «Яш юрэк»	рукописи в реперт. 1920-1930
4.«Шэурекей»	- //-	-		
5. «Буранбай»	- //-	-		
6. «Башкирская свадьба»	-//-	1930		
7. «Прокурор»	- //-	1930		
8. «Айсылу»	повесть	1930		написан в журнале
9. «Неожиданные встречи»	- //-	1931		- //-
10. «Гульсесек»	драма	- //-		в репертуаре 39 -40 г.
11. «Изукей и Мурадым»	эпос	1940		в жур. «Октябрь»
12. «О богатырях»	- //-	1940		... п. лис. В Уфе
13. «Мэрген»	либретто		газ. «Кр.Баш».1940	изд. Баш. Гос. изд. Муз. Зихенвальда
14. «Ашкадар»	- //-			
15. «Отечественная война 1812 г.»	стих.	1942		
16. «Изукей и мурадым»	драма	- //-	газ. «Кызыл Баш.» Р.Нигмати, Каримский, Фахрутдинова 1943г.	в реперт. Баш.Акаде. театра, 1943-44г.
17. «Олге» /пример/	драма	-		1941 и 1943 гг. нап. для театров и вкл. в репертуар
18. «Батыр кыззар» /Девушки героини/				
19. «Етексе катын-кыззар» /Женщины вожаки/			1942	
20. «Кубайыр» /Отеч. война/		стихи	1944	Подпись Бурангулова М.А./рукопись/ в Уфе, изд.Баш. Гос. изд.
21. «Ысын мохэббэт» /Действительн. любовь/	драма		1947	в реп.к/совх. театр
22. «Кызыл таш» /назв.реки/			1947	- //-
23.»Таштугай»	либретто		1948	август принят Управлением делами ис-ва РСФСР
24. «Шэурэкэй»	комедия		1948	принято для Академтеатра

Машинописный текст ф.25, оп.I, ед 55

2. Мухаматша Бурангулов (1888-1966) [Текст]

// Гайнуллин М.Ф., Хусаинов Г. Б. Писатели Советской Башкирии. Биобиблиографический справочник. Оформление А. Королевского. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1977. - С. 88 - 89.

Народный сәсэн Башкирии Мухаматша Бурангулов родился 15 декабря 1888 года в деревне Верхне-Ильясово Бузулукского уезда бывшей Самарской губернии в семье крестьянина. Учился в земской школе, что находилась в соседней деревне Юлдашево. Затем поступил в Каргалинское медресе. Во время летних каникул устраивался на разные работы. Летом 1906 года обучал казахских детей грамоте.

В 1909 году поступил в медресе «Хусаиния» в Оренбурге. По окончании его работал учителем в деревне Каипкулово Оренбургской губернии. С 1916 года он инспектор татарских и башкирских школ отдела народного просвещения в Бузулуке. В 1918—1921 годах заведовал отделом просвещения Туксуранского кантона. До 1938 года преподавал башкирский язык и литературу. А в 1938 году он перешел в Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы и вел научно-исследовательскую работу по фольклору.

Мухаматша Бурангулов в 1917 году написал пьесу «Ашкадар», которую затем ставили в Оренбурге и Стерлитамаке. Вышла отдельной книгой в 1923 году. Созданная на основе башкирской легенды и песни, эта пьеса пользовалась известностью.

В двадцатые годы М. Бурангулов написал ряд пьес: «Ялан Еркей», «Шауракай», «Башкирская свадьба», все эти пьесы М. Бурангулова созданы на основе башкирских народных песен и легенд.

Из всех пьес «Башкирская свадьба» оказалась наиболее удачной и она не сходила со сцены вплоть до сороковых годов.

Известно еще несколько пьес М. Бурангулова для колхозно-совхозных театров.

Значительна деятельность М. Бурангулова по собиранию и изучению башкирского народного творчества. Во время учебы в медресе, затем в пору тесного общения с народом он записал много народных легенд, песен, кубаиров, сказов, причитаний (сэнлэу), героических эпических памятников. Готовил к печати собранный фольклорный материал, занимался научным исследованием. В этом отношении особенно важен его труд «Башкирские легенды».

М. Бурангулов сам создавал кубаиры. Наиболее интересны его «Кубаиры о Великой Отечественной войне». Учитывая заслуги по собиранию и изданию башкирского - фольклора, а также его деятельность как сэсэсна, в 1943 году М. Бурангулову было присвоено звание народного сэсэсна Башкирии.

3. Мухаметша Бурангулов (1888-1966) [Текст]

// Писатели земли башкирской. Справочник / Сост.: Р. Н. Баимов, Г. Н. Гареева, Р. Х. Тимергалина. - Уфа: Китап, 2006. - С. 104 - 106.

Башкирский народный сэсэн Мухаметша Абдрахманович Бурангулов родился 15 декабря 1888 г. в д. Верхне - Ильяс Бузулукского уезда Самарской губернии, ныне Красногвардейского района Оренбургской области. Учился в Юлдашевской земской школе. Затем поступил учиться в Каргалинское медресе. В 1907-1909 гг. участвовал в переписи населения, к этому же времени относится его интерес к собирательству башкирского народного творчества. В 1909-1911 гг. М. Бурангулов учился в Оренбургском медресе «Хусаиния». После окончания медресе 5 лет учительствовал в школе д. Каипкул. С 1916 г. работал инспектором башкирских и татарских школ в г. Бузулуке. В 1918-1921 гг. являлся заведующим отделом просвещения Токсуранского кантона. До 1938 г. М. Бурангулов преподавал башкирский язык и литературу в различных школах, педтехникумах Башкортостана. С

1938 г. перешел на работу в НИИ языка и литературы Башкортостана и долгие годы вел научные исследования по фольклору.

М. Бурангулов пять раз был арестован: в 1918 г., в 1920 г., в 1929 г., в 1937 г., последний раз - в 1950 г. был отправлен на 10 лет в ссылку как «враг народа», после реабилитации в 1956 г. вернулся в Уфу.

В литературу М. Бурангулов пришел в 1917 г. с написанной на основе народной легенды и песни фольклорно-этнографической пьесой «Ашкадар», где отобразил национальные обычаи башкир в прошлом. Вслед за этой пьесой М. Бурангулов создал пьесы «Голубая шаль» (1918), «Буранбай» (1920), «Тафтиляу» (1921), «Скрытые лица» (1921 -1934), «Ал-памыша» [1922], «Салим-кантон» (1923), «Ялан Еркей» (1923-1926), «Кара юрга» [1924], «Шаура» (1925-1948), «Абзелиловская шайка» (1926-1929), «Дочь муфтия Фатима» (1926), «Борьба за свободу» (1927), «В дни волнений» (1929-1948) и знаменитую драму «Башкирская свадьба» (1926-1943]. У пьесы «Башкирская свадьба» есть несколько вариантов, в последних, по идеологическим требованиям того времени, автор попытался усилить социальные мотивы.

В 30-40-е гг., а также в 50-е гг., драматург создает ряд пьес на различную тематику: «Прокурор», «Гульсаяк» (вариант «Башкирской свадьбы»), «Карасакал», «Таштугай», «Пастух», «Единство», «Встречи», «Пример», «В новой жизни новые люди», «Ласковая девушка» («Красный камень»), «Гульнур», трагедии «Идукай и Мурадым», либретто «Мэргэн», «Туктар и Гульнур», драму «Таштугай».

М. Бурангулов написал несколько пьес для колхозных и совхозных театров. Роль М. Бурангулова в собирании и издании материала по башкирскому народному творчеству неоценима. С 1905 г. он собирает фольклорные материалы: в 1907 г. в родной д. Верхне-Ильяс от сапожника Хасана Бурангулова он записал кубаиры «Кара юрга», «Куныр-буга», эпос «Алпамыша», в 1907 г. в Актюбинске от казахского акына Алсынбая записал

башкирский фольклорный памятник-кубаир «Кубагуш-сэсэн». В 1910 г. от башкирского сэсэна Габита Аргынбаева, проживавшего в д. Идрис Баймакского района, и от Хамита-сэсэна из д. Мало-Иткул он записал всемирно знаменитый эпос «Урал-батыр». В течение 1907-1920 гг. от Габит-сэсэна М. Бурангулов записал кубаиры и эпосы «Ай, Уралтау, Уралтау», «Ете ырыу» («Семь родов»), «Юлай и Салават», «Баик Айдар-сэсэн», «Карас и Акша», «Еренсе-сэсэн», «Мэргэн и Маянхылу», «Загадка Махмут-сэсэна, его ответ», «Айтэш между Акмырда-сэсэном и Кубагуш-сэсэном». В 1943 г. «Акбузат», «Мэргэн и Маянхылыу», «Карасакал», «Юлай и Салават» были изданы в сборнике «Эпос о батырах».

М. Бурангулов - автор научно-исследовательских трудов «Башкирские исторические песни», «Башкирские исторические песни и легенды», «Башкирская народная поэзия», уникальной монографии фольклорно-этнографического характера «Башкирские свадебные обряды». Собранные им фольклорные материалы составили основное содержание тома «Башкирский народный эпос» (М.: Наука, 1977. Башк., рус), заняли большое место в 18-томном «Башкирском народном творчестве», издававшемся в 70-80-х гг.

Во время Великой Отечественной войны М. Бурангулов создал большое произведение «Кубаир об Отечественной войне». Также он написал «Кубаир о законе», «Кубаир о великой дружбе», «Письмо благодарности» и т. д.

М. Бурангулов являлся активным публицистом. С раннего творчества он публиковал статьи, поднимавшие актуальные проблемы судьбы башкирского народа («Переход башкирских земель в чужие руки и его результаты»: Шура. 1914. № 19; Время. 1914. 20 авг.), писал рецензии, аннотации на те или иные ценные памятники устного народного творчества.

М. Бурангулову было присуждено почетное звание Народного сэсэна Башкортостана.

**4. Бурангулов, Нажиб. Судьба башкирского сэсна [Текст]: Виновным себя не признал. Арест. В лагере. На свободе, но во власти бюрократов / Н. Бурангулов
// Путь Октября. - 1989. - 26 октября. - С. 2.**

Виновным себя не признал. Арест

10 апреля 1950 года. Как обычно, отец сидел за своим письменным столом допоздна. В этот день он работал особенно усердно — завтра надо было отдать в редакцию «Совет Башкортостаны» заказанный ему материал по фольклору. Уже второй час ночи. Вдруг раздался звонок. Отец пошел открывать. За дверью стояли трое мужчин. Даже не поздоровавшись, прошли в квартиру. Объявили, что они из НКВД, и предъявили отцу ордер на арест. Двое тут же начали обыск. Чуть ли не до утра они копались в библиотеке, перерыли все, изыали рукописи и другой материал. Утром отца увезли.

Это был уже четвертый арест. По рассказам и записям отца, в 1920 году его арестовали якобы за связь с буржуазно-националистическим правительством Заки Валидова, но вскоре освободили из-за отсутствия вины. Взяли под стражу во второй раз в 1930 году по тому же самому обвинению. Арест также был непродолжительным. Подошел самый страшный 1937 год. В те дни люди боялись даже своей тени. О творимых беззакониях, массовых арестах и расстрелах ни в чем неповинных не могли даже словом обмолвиться.

Отца забирают в третий раз по ложному обвинению в национализме, связи с валидовщиной и т. д. Доносчики и клеветники, которые ненавидели отца за его творческий взлет и успехи, радовались: теперь-то уж обратной дороги тебе не видать. А он, как ни в чем не бывало, через несколько месяцев вернулся домой. Все-таки доказать его вину опять не удалось. И в четвертый свой арест отец не терялся, верил в справедливость. Созданные решением ЦИК СССР так называемые органы суда «тройка», «особое

совещание» действовали в то время очень уверенно, плодотворно. Работали они закрыто, без участия свидетелей и защиты. В течение часа попускали десятки дел, бесчеловечно обходились с судьбами невинных людей, отправляли тысячами в лагеря, приговаривали многих к расстрелу.

Во внутренних тюрьмах НКВД содержались узники, арестованные только по политическим мотивам, или, как их тогда окрестили, «враги народа». В камеры, рассчитанные на 5-6 человек, напихивали по 15-20, Ни сесть нормально, ни поспать. Время летнее, но несмотря на это, топились печи. Арестованные все голые, в поту, дышать нечем. Люди хотят пить, умоляют, чтобы им дали воды, но бесполезно. Это тоже составляло часть наказания.

На допросы вызывают через каждые 2-3 часа. «Враги народа» показания давали стоя. Не согласен с предъявленным обвинением - значит, будешь так вот стоять до конца. Многие не выдерживали, падали, тогда их волокли назад в камеру. Немного погода - вновь допрос.

Не каждый мог до конца сопротивляться, вспоминал отец, - обессилив от истязаний и отчаяния, люди подписывали бумаги.

Сам он всегда отвечал следователю, что предъявленное ему обвинение - клевета. «Ты враг народа, твоя статья - 58-я, срок 10 лет», - назойливо повторялось на допросах. Несмотря на преклонный возраст - отцу тогда было 62 года - он не поддался уловкам следователя, все обвинения отвергал. «Перед партией и народом моя совесть чиста» - эта мысль постоянно поддерживала его, как он рассказывал впоследствии.

Через несколько месяцев в вагонах «товарняка» большую группу осужденных отправили в Сибирь. После долгой дороги их высадили на станции Тайшет и колоннами повезли в глубь тайги.

Недруги отца - некоторые писатели, поэты, работники культуры и науки восторжествовали, решили воспользоваться его литературными

работами. Например, поэт Д., сделав некоторые перестановки, изменив немного сюжет и имена действующих лиц пьесы отца «Башкорт туйы» («Башкирская свадьба»), «создал» другую, под другим названием. В академическом театре драмы она шла с успехом несколько лет. Об этой афере - иначе не назовешь - прекрасно знали и в самом театре, и в министерстве культуры, но промолчали, боялись защитить права отца, ведь он осужден и сослан в Сибирь как враг народа. А некоторая часть этих интеллигентов на фольклорном материале отца защитила диссертации на звания ученой степени.

В ЛАГЕРЕ

В лагере, куда привезли отца, отбывали наказание исключительно по политическим мотивам бывшие руководители партийных и советских органов, деятели культуры и науки, осужденные на длительные сроки.

В бараке соседом отца (их койки были рядом) оказался осужденный на 25 лет бывший профессор санитарно-лечебной части Кремля Маслов, которого обвинили по делу М. Горького. Этот срок он получил лишь за один укол, сделанный Горькому якобы умышленно, с целью ухудшения здоровья писателя. В момент приезда сюда отца он отсидел уже 13 лет.

Узники лагеря были почти все уже преклонного возраста, но работали в тяжелых условиях, выполняли исключительно физический труд на лесозаготовке, строительстве железной дороги. Еда - миска баланды из гнилой картошки и капусты да хлеб, почти не отличающийся от блокадного. На работу выгоняли всех, даже слабых и больных, которые едва волочили ноги. Они старались не отставать от других, потому что знали: если что не так убьют, а потом приготовят акт о несчастном случае во время работы. Так шли месяцы, годы, заключенные переносили все тяготы и унижения, жаловаться было некому. Однажды пропал сосед отца профессор Маслов. Его вызвали в дежурку и он не вернулся. Ходили всякие слухи: что его перевели в другой

лагерь, что он в карцере, что освободили. Прошло около месяца, а его все нет. Как-то после работы отец пошел в санчасть и вдруг своим глазам не поверил... В белом халате ведет прием больных профессор Маслов. Выглядел он хорошо. А ведь, до этого тоже трудился с ними на лесозаготовках.

Позже он рассказал все отцу: - Вызвали меня, выдали новую одежду и куда-то повезли, ничего не сказав. Приехали в какой-то город, заходим в большое здание. Я решил, что это госпиталь - пахнет лекарствами, ходят люди в белых халатах и военной форме. Входим в палату, где лежит только один больной. Им оказался начальник управления лагерей Дальнего Востока и Сибири в чине генерала. Познакомили меня с его историей болезни и говорят: «Консилиум специалистов пришел к выводу, что генералу срочно надо делать, операцию. Это по вашей специальности и поэтому операцию поручаем вам». От неожиданности я растерялся и отвечаю: «Хирургической практикой не занимаюсь уже много лет и, потом, вам должно быть известно, за что я отбываю срок».

- «Я вам верю и надеюсь на хороший исход, - заговорил уже сам больной. - В случае же неудачи вас не накажут, я подпишу бумагу на этот счет», - продолжал он.

Через некоторое время, после того, как профессор поправился, пришел в «форму», была сделана операция, причем удачно и профессионально четко. Маслов о какой бы то ни было мести не думал, он был прежде всего человеком и хорошим специалистом - медиком, преданным своему делу. Генерал не забыл его, назначил ведущим врачом санчасти лагеря.

К больным профессор относился по - человечески, всячески старался поправить их здоровье, слабых из зоны на работу не выпускал.

Подошел 1953-й год. Отец вспоминал: - Обычно после утреннего туалета народ торопился в столовую на завтрак. А в то утро на территории лагеря творилось что-то непонятное. Одни о чем-то громко говорят, другие смеются и странно ведут себя. В эти «минуты никому словно не было дела до

других. Каждый сам по себе плакал или смеялся, выкрикивал ругательства или ликовал. Как выяснилось, стало известно о кончине Сталина. Все ломали голову, кто же заменит его? Хотелось немедленно связаться с внешним миром, узнать все, что творится на воле. А это было невозможно. Передать что - то через освободившихся - тоже исключено. Их одевали в новую одежду. Старая оставалась здесь.

Но связаться с новым руководством было крайне необходимо. В те дни освобождалась одна женщина, она согласилась на свой риск вынести и вручить адресату коллективное письмо политзаключенных в ЦК КПСС. К счастью, замысел удался. Это мы поняли потому, что в лагерь зачастила московская комиссия. Происходили заметные изменения в режиме, питании заключенных и т. д. Мы стали чувствовать себя более свободно, появился какой-то проблеск надежды.

Примерно через полгода опять приехала представительная комиссия из Москвы. Стали вызывать на беседы некоторых заключенных. Вызвали и отца. Ему сообщили о том, что тщательный пересмотр его дела подтвердил, что его осудили незаконно. Тут он конкретно убедился в действии коллективного письма. «Как только освободитесь, обязательно обратитесь с заявлением об окончательной реабилитации в областные судебные органы», - наказали ему. Он не сразу отреагировал на услышанное, был потрясен, как и все. Немного погодя пришел в себя и стал с нетерпением ждать радостного дня освобождения.

В составе той самой комиссии отец узнал одного из бывших заключенных, который в течение месяца находился в их бригаде. Потом он узнал, что многие члены этой комиссии, действительно, находились в лагере на правах заключенных для сбора материала, подтверждающего указанные в письме факты. Настал долгожданный день 12 мая 1956 года. Шестидесятивосьмилетний узник, потерявший здоровье, инвалид II группы, отсидев без вины 6 лет, вернулся в родной город Уфу. В

коридоре в старенькой фуфайке, в сапогах, с котомкой за плечами стоял обросший, измученный старик, вспоминала мать о приезде отца. Не сразу узнала она его... Прошел в комнату и рухнул на кровать. Кормила его через каждые 2-3 часа днем и ночью. Встанет, бывало, умоляюще взглянет в глаза - просит еду.

НА СВОБОДЕ, НО ВО ВЛАСТИ БЮРОКРАТОВ

После короткого отдыха отец решил действовать, как ему было рекомендовано. С заявлением на руках он отправился в Верховный суд республики. Он надеялся, что, его расспросят и отнесутся с уважением и

М. А. Бурягузов с женой З. А. Бурягузовой и внуками. 1949 г.

пониманием. Но не тут-то было. Прием был ледяным, разговор как таковой не состоялся. Оставив заявление, он стал ждать ответа. Прошло время, а его нет. Неоднократно ходил он в суд, обращался в прокуратуру республики - то же самое.

На него смотрели по-прежнему как на врага народа. Каждый боялся испортить свою репутацию, карьеру. Отцу до глубины души было обидно, он не мог понять всего, что происходит. Не дремали и его недоброжелатели. В то время доноски и подхалимы были ещё в почете. Искать, а тем более найти справедливость было трудно.

Оставалось одно - обратиться за помощью в ЦК КПСС. Тогда-то мы с отцом написали обстоятельное заявление на имя первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева.

Таков финал этой печальной, даже трагической истории. Несмотря на тяжелые испытания, унижения, отец не терял бодрости духа и оптимизма, не отказался от любимого дела, продолжал трудиться и бороться за свои творческие и научные принципы. Однако нападки и клевета не ушли из его жизни. Литературные материалы отца так же не печатались, пьесы не ставились театрами. Оказывали свое действие пресловутые ярлыки «валидовщика», «националиста», «врага народа». Люди, призванные обратить внимание на его литературные труды, сказались чрезвычайно трусливыми.

В течение десяти лет после освобождения из мест заключения он искал пути выхода из тупика, искал справедливость. Все это подрывало силы, здоровье. После продолжительной и тяжелой болезни 9 марта 1966 года отец скончался в Уфе.

Прошло столько лет, но не уходит из сердца обида. Почему имена всех тех доносчиков, клеветников до сих пор остаются в секрете? Теперь-то, в годы гласности и демократии, народ должен знать обо всем.

Как сын, я горжусь своим отцом, безмерно счастлив, что наконец-то его по-настоящему поняли, как писателя, обогатившего творчеством родную культуру, а значит и свой народ, старавшегося сохранить его историю, его поэтическую память. Научная конференция, торжественный вечер, посвященные 100-летию со дня рождения отца, многочисленные публикации в газетах и журналах, радио- и телепередачи о нем - и есть первые шаги в этом направлении.

**5. Бурангулов, Нажиб. Судьба башкирского сэсна [Текст]:
Воспоминание об отце / Н. Бурангулов
// Путь Октября. - 1989. - 24 октября. - С. 2.**

Родился отец еще в девятнадцатом веке - 15 декабря 1888 года. Став сиротой в одиннадцать лет, воспитывался у братьев, рано узнал нужду, но учился в земской школе, затем, и в медресе. А приходило лето - работал. Кем только ни доводилось ему быть: и приемщиком на мельнице, и даже учителем у казахских ребятишек. Так, окончив Каргалинское медресе, уже в ту пору отец начал собирать башкирский фольклор, однако чувствовал, что образования не хватает. Желая продолжить его, он вновь возвращается в Оренбург.

Окончено медресе «Хусаиния», и он учитель, затем инспектор отдела народного образования, опять учитель и, наконец, в 1938 году он получил приглашение на работу в Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы, где долгие годы вел научно-исследовательскую работу по фольклору.

А вот писать, пробовать перо отец начал значительно раньше. Ещё в 1917 году написал свою первую пьесу «Ашкадар», которую затем, поставили самодеятельные артисты. Вспоминают такой случай. Пьесу играли студенты института народного образования. Главную роль Танхылу исполняла студентка Сагида Рашитовна. Успех превзошел все ожидания, а наутро преподаватели института во всех учебных журналах сменили ее имя Сагида на Танхылу, таким искренним было восхищение талантом Рашитовой. Известный актер татарского театра, в те дни секретарь института, Исхак Амматов посоветовал: - Возможно, Вы станете неплохой учительницей, Танхылу. Но Вы родились артисткой. Идите этим путем.

Когда в 1924 году была создана «Башкирская передвижная труппа, Рашитова была в нее приглашена. Впоследствии она стала народной артисткой республики. Сегодня ей 84 года, живет в Уфе и с тех времен она стала Танхылу Решитовой.

Эти годы оказались для отца плодотворными. Он написал еще несколько пьес. К слову одна из них «Башкорт туйы» («Башкирская свадьба»). Она не сходила со сцен многих театров вплоть до сороковых годов.

В 1924 году мы жили в его родной деревне Верхне-Ильясово Красногвардейского района Оренбургской области. И вот отец решил сменить место жительства. Вместе с братьями и еще некоторыми сельчанами присмотрели они небольшое местечко, где до революции жил помещик. Здесь и земля была плодородной, и природа оказалась щедрой, но особенно понравилась всем дубовая роща, которая называлась «Буляк». А совсем скоро в округе все уже знали отца не только как писателя, но и заядлого охотника. Возле него в эту пору всегда было много людей, а он записывал их рассказы, песни, легенды, передаваемые из поколения в поколение.

Прослышал однажды отец, что есть где-то человек, который знает много народных преданий. Тут же собрался в путь. Положив в сани овцу, поехал... А когда вернулся через несколько дней домой, мать спросила;

- Нашел своего старика?

- Нашел, - отвечал отец. - Только очень уж он беден, оставил ему овцу в подарок.

Думаю, что мать вряд ли обрадовало это известие: за какую-то песню нужно дарить овцу, но с отцом согласилась.

Пролетела зима, пришло лето. Я тогда учился в начальной школе в соседней деревне Абдуллово, где учительствовал Габбас Давлетшии. Однажды он привез к нам гостей. А ими оказались известный

писатель Губай Давлетшии с женой Хадией, в будущем тоже писательницей, автором любимого народом романа «Иргиз». Однажды, когда утром пили чай, Губай-агай говорит отцу:

- Мухаметша-агай, здесь действительно райские места, ну прямо как курорт, и все же я рекомендую тебе переехать в Башкирию. Тем легче будет тебе заниматься и творческой деятельностью, и издавать, а пьесы ставить в театрах. Убедил отца.

И вот в 1924 году мы переехали из Буляка в деревню Тюляково Мелеузовского района Башкирии. Отец стал работать учителем и не забывал о своем пристрастии писать. Продолжал собирать фольклорный материал. Любовь к устному народному творчеству занимала у него все свободное время. Создал много легенд, песен, кубаиров, сказок и причитаний — своего рода эпических памятников. Особенно важен в этом отношении его труд «Башкирские легенды».

Помню, было это в 1926 году. Прибежав с улицы домой, я вдруг услышал, что отец ссорится с мамой. Прислушался. Оказалось, мать недовольна тем, что он вновь уезжает собирать народные предания, а так как денег на поездку нет, нужно продавать телку. Дело осложнялось тем, что именно ее мать хотела оставить в хозяйстве взамен совсем старой коровы. Ничего не помогло. Телку отец все-таки продал в Мелеузе на базаре, а сам уехал, теперь бы назвали - в творческую командировку.

Но отец был не только собирателем-фольклористом, но и чутким литературоведом, обладавшим высоким эстетическим вкусом.

Он был фанатически предан своему делу и никогда не стоял в стороне от жизни сельчан.

Активно участвовал в коллективизации, вначале помогал создавать в селе комитет бедноты, Именно он помог отобрать у кулаков прибыли за паромную переправу через реку Белую, а доходы перевести в комитет

бедноты. На эти деньги потом приобретался необходимый сельхозинвентарь, даже машины, а когда в 1929 году в деревне была организована сельхозартель, первый в неё вступил именно он - Мухаметша Бурангулов. В будущем она переросла в колхоз с символическим названием «Пробуждение».

Жизнь продолжалась. Люди все больше приобщались к искусству. Именно в это время с другими писателями отец упорно развивал тенденции башкирского сценического искусства. В этот период появляются его драматические произведения «Буранбай», «Салим Кантон», «Прокурор», «Ялан йэркэй», «Шэурэкэй», «Таштугай», «Башкорт туйы» и другие. Все эти пьесы написаны в Мелеузе.

Позже этот перечень был дополнен пьесами, посвященными темам революционной борьбы, колхозного строительства, победы советского народа в Великой Отечественной войне. Все это время отец готовил к печати собранный им фольклорный материал. И, как справедливо считают многие, наиболее удались ему «Кубаиры в Великой Отечественной войне». В 1944 году Мухаметша Бурангулов был удостоен высокого звания народного поэта-сэсэна Башкирии. Ещё добавлю, что отец в начале тридцатых годов, переехал жить в Мелеуз и работал учителем башкирского языка и литературы в башкирской школе, которая тогда размещалась в одноэтажном деревянном доме на берегу Мелеузки. А жили мы по улице Смоленской, дом № 2.

Но наступили в жизни моего отца иные времена. В 1950 году по ложному доносу он был репрессирован.

С трудом восстанавливал свое доброе имя, даже после того, как в 1956 году был освобожден. Тогда же с места заключения московская комиссия рекомендовала отцу, чтобы с приездом в Уфу, дабы получить полную реабилитацию, обратился в судебные органы, которые должны были

полностью восстановить его права. Но не так все было просто в те времена. Отца не печатают, все чаще слышит он в свой адрес гнусную клевету. Отец обратился с письмом к бывшему первому секретарю Башкирского обкома т. Нуриеву. Но, к сожалению, не только помощи, но даже ответа на свое письмо не получил.

Вот тогда-то и написал он в ЦК КПСС Н. С. Хрущеву обстоятельное письмо. А через несколько дней получил от него ответ о том, что его письмо направлено для разбирательства Генеральному прокурору СССР.

Отцу трудно было справиться с волнением, когда наконец пришел такой ответ: «Дело по обвинению гражданина Бурангулова Мухаметши Абдрахмановича, 1888 года рождения, писателя, по протесту заместителя Генерального прокурора СССР пересмотрено Президиумом Верховного суда Башкирской АССР 30 октября 1959 года. Постановление от 18 октября 1950 года в отношении Бурангулова М. А. отменено и делом производством прекращено за отсутствием состава преступления».

Шесть лет лишения свободы, горе и слезы, а состава преступления нет. Горький парадокс. Казалось бы, теперь отец вправе ожидать лучшего отношения к себе, но справедливость восстанавливалась с большим трудом, И все-таки в этом же 1959 году постановлением Союза писателей он был восстановлен в правах члена, писателей СССР, вернули ему также звание башкирского народного сэсэна. Словом, полностью реабилитировали.

Теперь отцу очень нужен был душевный покой. А прийти к этому он мог лишь, занявшись любимой работой. К сожалению, на этом пути отец все еще встречал сопротивление различного рода бюрократов, да и просто холодное отношение со стороны тех, кто в те времена занимал высокие посты. В своем письме на имя первого секретаря областного комитета партии т. Нуриева он писал (это у него второе письмо): «... что же остается мне делать? Мне уже 72 года. Остаток своей жизни я хотел бы посвятить работе на пользу народу. Этого от меня требуют партия, народ... После моего ареста

прокурор района Агзат Валеев, применив недозволенные провокационные приемы к моей жене, выселил ее из квартиры, поселившись туда сам. Она не смогла забрать даже мебель и библиотеку. Живем мы сейчас в маленькой комнатухе, но я не жалуясь. Только бы дали спокойно жить и работать... По случаю сорокалетия Башкирского государственного академического театра его директор т. Вахитов написал статью, где подробно описал развитие театра, даже упоминается творчество еще нереабилитированного писателя Хабибуллы Габитова, эмигранта Фаткилькадира Сулейманова. Называлось в статье и мое имя. Она была опубликована в январском номере журнала «Литература Башкирии» за 1960 год. К сожалению, та часть статьи, где шла речь обо мне и моих пьесах, оказалась вычеркнутой заведующим отделом обкома КПСС т. Г.. Был и другой случай. Министр культуры республики т. Вахитов назначил мне день для заключения договора о принятии моей пьесы «Таштугайская трагедия», но свалив все опять же на т. Г., отказал мне в этом... Если у меня в работе есть недостатки, то нужно сказать мне об этом прямо. Словом, видеть одного своим, другого чужим и необоснованно обижать человека не надо бы. Перед советским законом все равны... Очень прошу Вас оградить меня от нападок и унижения и оказать помощь признанию моих литературных трудов...».

Ответа на свое письмо отец не дождался. Правда, и в эти трудные дни была в его жизни радость — правление Союза писателей Башкирии выделило ему в Уфе на улице Мингажева, 125 двухкомнатную благоустроенную квартиру, в которой он и жил.

Отец не дождался перемен. Он не дожил до наших дней, когда свежий ветер обновления коснулся самых затхлых уголков, возродился интерес к творчеству башкирского народного сэсэна. Свидетельство тому проведенный в декабре прошлого года юбилей - 100-летие со дня рождения. Этот юбилей, проведенный общественностью Башкирии в Уфе, многочисленные публикации в центральной, областной печати были большим праздником для

башкирской литературы и народа, который это торжество встретил с большой радостью. А перед юбилеем 26 октября 1988 года в газете «Советская Башкирия» писатель Газим Шафиков выступил с большой статьей, озаглавленной «Он сберег память народа...». Приведу из этого ёмкого материала одну лишь маленькую выдержку - «... Все мы прекрасно знаем, что самые ценные, самые древние и характерные для башкирского народа памятники сохранены для нас именно М. Бурангуловым, его подвижнической деятельностью и преданностью своему делу. И этого у него не отнимешь! Я имею в виду прежде всего такие выдающиеся памятники древности, как «Урал-батыр», «Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Алпамыша» и некоторые другие. Никаким другим словом, как самоотверженный творческий подвиг, великое дело жизни, я это позвать не могу...».

Хочу напомнить, особенно молодым читателям, что мой отец был фактически старейшиной башкирской советской литературы. Первые его публикации появились на страницах различных изданий еще в 1914 году, и до конца своей жизни он не выпускал перо из рук. Он является автором тридцати двух пьес.

Хочется верить, что все это поможет современникам объективно оценить его литературное наследие.

**6. Гиляжев, Хаким. Аманат народного сэсна [Текст] / Х. Гиляжев
// Ленинец. - 1988. - 29 декабря. - С. 3.**

Общественность республики отметила 100-летие Мухаматши Бурангулова, собирателя и пропагандиста бесценных поэтических сокровищ башкирского народа, просвещенца, верного сына своего народа.

С М. Бурангуловым и его творчеством я сталкивался мало. Туманно помню: в республиканской газете «Башкортостан» или в журнале «Октябрь» печатался «Идукай и Мурадым». Пьесу «Башкирская свадьба»,

поставленную Давлекановским колхозно-совхозным театром не видел. Правда, слышал о ней. В годы войны, когда был курсантом Уфимского пехотного училища, в руки попала книга под названием «Кубаиры о батырах». На обложке значился автор - М. Бурангулов.

И еще одна курьезная встреча в памяти. Студентами пединститута мы, молодые поэты, часто заглядывали в Союз писателей. В те времена. Союз писателей никогда не пустовал, там всегда было много народу, читали стихи друг другу, балагурили, рассказывали анекдоты, небылицы. Словом, было весело и шумно. Однажды, помню, ко мне обращается рослый, широкоплечий человек:

- Я слушаю тебя, но не могу угадать, какую ты воду пьешь?

Я сразу догадался, о чем идет речь. Ведь обычно башкиры познают друг друга по той реке, на берегах которой они живут.

- Из Сармасана.

- То-то. Значит, ты дёмский башкир. По наречию видно. Стало быть, мы из одного рода. Я из Бузулука, ты из Белебея. Уезды наши, значит, рядом.

Дело в том, что многие башкиры, хотя пишут на общепринятом литературном языке, во многих случаях в разговорной речи продолжают говорить на своем диалекте. И Мухаматша агай тоже до конца жизни говорил на своем диалекте.

- Ёин һуң кайһы йылға һыуын эсәһең? - спросил тогда он меня.

- Однако Локман-Хаким, так кажется тебя зовут, не забывай мудрые слова Горького: «Писатель должен писать по-русски, а не по-вятски. Писатель должен творить на общенародном языке, а не на диалекте».

В письменной речи он не мог терпеть каких-либо диалектических вольностей. А в фольклорных записях дотошно соблюдал методологические, научные принципы и правила фольклористики. Он напутствовал меня, когда я, ещё будучи студентом, по поручению тогдашнего директора института истории, языка и литературы А. Н. Усманова отправился для сбора

фольклорных материалов на Сармасан и озеро Аслы-куль. Мой трофей составил 200 машинописных страниц!

Среди собственно башкир, хотя и были среди них грамотные и прогрессивные люди, если не ошибаюсь, никто заинтересованно не занимался этой бесперспективной, на первый взгляд, кропотливой работой. Зачинателями этого благородного дела являлись демократически настроенные передовые русские просвещенцы, знающие толк в народном творчестве. Бессонов записал и издал на русском языке башкирские сказки. Нефедов, Рычков, Игнатьев, Крашенинников и другие энтузиасты оставили нам прекрасные образцы некоторых старинных песен и мелодий. Они стремились художественно воспроизвести быт и обычаи, жизненный уклад и нравы башкир. Особенно восхищала их поэтическая натура башкир, бескорыстие, доверчивость, гостеприимство, а также воинственность и храбрость при отстаивании своего человеческого достоинства и исконных земель своих предков. В их трудах было больше сострадания к бедственному положению башкир, нежели просто любопытства этнографов. Они выступали в защиту прав коренного населения, и их голос звучал как приговор национальной политике царского самодержавия.

И вот после революции 1905 года и среди башкир появился незаурядный человек, продолжающий дело своих русских собратьев и посвятивший свою полную драматизма и невзгод жизнь собиранию и сохранению для потомков народной памяти. Он знал простую истину: у кого есть история, у того есть и будущее.

Здесь не лишне напомнить, что сама биография, жизненный путь и творческая судьба Мухаматша агая как в зеркале отражает весьма непростую, противоречивую, порой драматическую историю борьбы вокруг образования и становления первой в России автономной республики. Ибо это был первый опыт решения национального вопроса в многонациональной стране, где победила революция.

Дорого обошлось Мухаматше Бурангулову участие в этих перипетиях. Из Бутырской тюрьмы его освобождают по указанию Ленина, когда Владимир Ильич получил письмо от Бурангулова и его товарищей в котором шла речь о несправедливом их обвинении. В каких только грехах его не обвиняли потом: то буржуазный националист, то проповедник патриархальщины... Такие ярлыки навешивали почти на каждую его пьесу, ибо большинство из них были написаны на основе или по мотивам устного народного творчества («Ашкадар», «Ялан йэркэй», «Шауракай», «Акбузат» и др.).

Начало литературы - в фольклоре, говорил Горький. «Илиада» Гомера, «Фауст» Гете, «Божественная комедия» Данте - что это, если не художественное переложение мифов, легенд? А в современной литературе? Перечитайте «Абая» Ауэзова, произведения Чингиза Айтматова. Из наших писателей назову Н. Мусина, Г. Ибрагимова, Я. Хамматова. А Степан Злобин? Его «Салават-Юлаев» соткан исключительно из преданий, легенд, песен того времени. Наш Михаил Воловик показал хороший пример башкирским писателям, написав на основе фольклорных материалов замечательную книгу «Сказание о Ерэнсе сэсэне», Ю. Ахмадиев удачно перевел ее на башкирский язык.

Мы не знаем свой фольклор. Фольклор - это ведь память народа, его одухотворенная история.

Аракчеевская идеология Жданова, Суслова предала забвению многовековую историю, духовное наследие, самобытные традиции, то есть историческую память целых народов. Носителей национальных общечеловеческих ценностей, наклеив ярлык «националист», прятали за решетку, отправляли за колючую проволоку сталинских лагерей или просто физически уничтожали.

В истории нашей культуры не было и нет такого деятеля, как Мухаматша агай Бурангулов, который бы так самоотверженно, с такой

любовью собирал по крупицам золото духовного богатства своего древнего на рода.

Мухаматша агай Бурангулов был не только собирателем драгоценных духовных жемчужин, но и ревнительным пропагандистом, вводящим их в научный оборот, просвещенцем. Если восемнадцатитомный труд «Народного творчества», получив всенародное признание и отмечен республиканской премией, носящей имя Салавата Юлаева, то мы должны признать в этом труде и великую заслугу нашего народного сэсэна и во имя торжества справедливости, хотя бы посмертно, присвоить ему звание лауреата.

Мухаматша агай Бурангулов был не только врожденный фольклорист и признанный деятель на ниве народного просвещения, но и законно может считаться основоположником башкирской национальной драматургии.

Ну, что от того, что почти все пьесы Бурангулова были основаны на фольклорно-этнографическом материале? Разве это предосудительно? А на чем держится тогда известный «Аршин мал алан» Гаджибекова? На что опирались, например, Б. Бикбай, К. Даян. М. Карим, создавая «Карлугас». «Тансулпан», «В ночь лунного затмения», если не на фольклор?

Жизненный и творческий путь Бурангулова совершенно не изучены. Пора восстановить его доброе имя в истории нашей культуры, издать пьесы, кубаиры, стихи. Восстановить присвоение ему в разгар Великой Отечественной войны, почетное звание «Народный сэсэн Башкирской АССР», а танке установить мемориальную доску на доме, где он жил в последние годы. Надо назвать его именем одну из улиц в Уфе и Стерлитамаке. И, наконец, присвоить его имя научно-исследовательскому институту истории, языка и литературы. Он это заслужил.

Мухаматша Бурангулов всю свою трудную, но плодотворную жизнь берег в своем сердце аманат родного народа - не терять нити

преемственности поколений, беречь родную речь, не ронять национальное достоинство, быть верным истине.

Будем же верны его аманату, ибо Мухаметша Бурангулов - это чистая совесть и благодарная память башкирского народа.

**7. Кадрмаева, Ф. История одной фотографии [Текст] / Ф. Кадрмаева
// Путь Октября. - 1991. - 14 декабря. - С. 2.**

На этот раз командировка в Сибай для меня оказалась удачной. Встреча с сыном народного сэсэна Мухаметши Бурангулоя стала открытием. За беседой с ним, бывшим учителем, ныне пенсионером, не думала о времени, слушала, пытаюсь сохранить все сказанное в памяти.

В какой-то момент Нажиб агай бережно положил на стол фотографию. Неожиданные повороты-водовороты жизни резко изменили судьбы этих людей, запечатленных на фотографии, ставшей исторической. 1927 год. Так молоды и прекрасны, полны творческих сил Мухаметша Бурангулов, Губай Давлетшин и его жена Хадия. Видимо, их семьи связывали узы дружбы, как духовно близких, одаренных личностей.

Меч репрессий в той или ямой мере не обошел семьи Давлетшиных и Бурангуловых. Общительный, бывший командир красной части, ответственный работник Губай, муж Хадии, по воспоминаниям Саляха Кулибая, удивительно танцевал, но не под привычную плясовую мелодию, а под песню «Галия-бану», и для этого специально носил в небольшом чемоданчике красные сапожки-инчиги с твердой, подбитой железкой подошвой для чечетки. Кроме того он хорошо пел, глубоко знал фольклор, мог читать древние кубаиры.

Хадия на вид хрупкая. Но стойкость и терпение ее не имели границ. Несмотря ни на какие трудности: долю жены репрессированного, лишение свободы, болезнь, борьбу с непробиваемой бюрократией и препятствиями на дороге дорогих своих произведений ее не сломили

Величественен будущий народный сэсэн Мухаметша Бурангулов.

Фотография 1927 года. Еще не арестован Губай Давлетшин, полон творческих идей Мухаметша Бурангулов, в расцвете сил Хадия Давлетшина.

В первом ряду (слева направо) Хамза (сын Габбаса Давлетшина), Анвар (сын Габбаса Давлетшина), Зуфар (сын Мухаметши Бурангулова), Хидият (за Анваром, брат Хадии Давлетшиной);

Во втором ряду: Наккар (дочь Мухаметши Бурангулова), Фатима Давлетшина (жена Габбаса Давлетшина), Гюлгавгар Давлетшина (мать Хадии), Зайнаб Бурангулова (жена Мухаметши Бурангулова), Хадия Давлетшина, Асия Давлетшина.

В заднем ряду: Нажиб Бурангулов (сын Мухаметши Бурангулова), учитель Закария Абитаев, Габбас Давлетшин, Мухаметша Бурангулов, Губай Давлетшин (муж Хадии), Сахау Давлетшин (брат Габбаса Давлетшина).

8. Кинзибаева, С. «... Сберег память народную» [Текст] / С. Кинзибаева // Путь Октября. - 1991. - 14 декабря. - С. 2. - [Годы и люди]

В 1988 году в республике торжественно отметили 100-летие Мухаметши Абдрахмановича Бурангулова - фольклориста, народного сэсэи, ученого и драматурга. Некоторое время он жил в Мелеузе, работал преподавателем башкирского языка и литературы. На мелеузовской земле появились его самые яркие произведения.

15 декабря - день рождения писателя.

Сегодня мы даем подборку материалов, посвященных сэсэну.

Раздольна башкирская степь. На небе - луна да мерцающие звезды. Ночь полна таинств. Воздух наполнен ароматом цветов. Покой нарушают события, происходящие не сцене, оборудованной на поляне. Мягкий ветерок колышет полотнище занавеса. Вся деревня, от аксакалов до грудных детей на руках у матерей, заморожены представлением. Идет пьеса «Ашкадар» М. Бурангулова на берегу Ашкадара, пьеса, созданная на основе народной песни с этим же названием.

Так мне поведала о том незабываемом спектакле одна бабушка, в те годы маленькая девчушка, тогда на руках у отца смотревшая это прекрасное представление.

Автор этой пьесы и очень многих произведений, получивший высокое звание «народный, сэсэн» Мухаметша Абдрахманович Бурангулов родился в 1883 году в деревне Верхне - Ильясово Бузулукского уезда в семье крестьянина-середняка. В 11 лет остался без родителей, воспитывался у родственников. Окончил земскую школу, в 1901 году уехал в Оренбург. Летом подрабатывал, учительствовал среди казахского населения, учился в медресе, которое окончил в 1911 году. Мухаметша Абдрахманович стремился впить в себя народную мудрость, не предать забвению образцы устного народного творчества и наряду со скрупулезным сбором этого материала, подготовкой к печати, систематизацией материала обогащался и сам.

Как и всякий талант, он подвергался гонениям. Понятно, творения неординарной личности не укладывались ни в какие рамки указаний, постановлений в свете решений казавшихся в те годы «глобальных» проблем. По ложным доносам его арестовывали четыре раза, и каждый раз он выходил победителем. Конечно, аресты накладывали свой отпечаток. Несмотря на трудности, не искусственно создаваемые препятствия, он жил, творил для

своего народа. Оказывается, все достояния башкирского народного творчества - песни, обряды, кубайры, эпические произведения, как «Урал батыр», «Акбузат», «Алпамыша» сохранились благодаря именно ему. Трудно назвать другого человека, который так глубоко и преданно занимался фольклором родного народа.

Мухаметша Абдрахманович Бурангулов прожил долгую и сложную жизнь. И благодаря его энергии и преданности сохранена народная память.

**9. Рахимкулов, Мурат. «Человек... пропитанный фольклором» [Текст] / М.Рахимкулов
// Бельские просторы: Сборник. - Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1996. - С. 170 - 173.**

В личном фонде Степана Злобина, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (фонд 2175, дело 228, опись 2), мной было обнаружено письмо, адресованное Петру Георгиевичу, но не имеющее ни фамилии адресата и адресанта, ни какой-либо подписи вообще. Однако из контекста не трудно догадаться, что письмо адресовано Скосыреву Петру Георгиевичу, писателю, курировавшему в аппарате Союза писателей СССР тюркоязычные литературы. Автор нескольких оригинальных и переводных книг о народах Средней Азии и Кавказа, П. Г. Скосырев считался знатоком национальных литератур народов Советского Союза.

Письмо Степана Злобина - ответ на «направленный Вами вопрос», то есть можно сказать, что Степан Павлович выполнял «деликатное задание». Очевидно поэтому фамилия Мухаметши Бурангулова в письме ни разу не фигурирует: она заменена буквой «Б.». Отсутствие подписи Злобина тоже, видимо, не случайно. Вместе с тем письмо - оригинал или черновик - это не главное, но написано рукой Степана Злобина, иначе говоря, - это автограф. За 45 лет это «полуконспиративное» письмо не привлекло ничьего внимания. Это обстоятельство, мне кажется, повышает цену акций данной публикации.

Письмо по объему небольшое - один листик сравнительно небольшого формата, исписанный почти полностью с обеих сторон.

Привожу это письмо полностью, безо всяких сокращений и изменений, лишь расшифровав нехитрые сокращения, как-то «Б.» - «Бурангулов», «т.т.» - «товарищи». «ССП» - «Союз Советских Писателей».

«Уважаемый Петр Георгиевич!»

Моя башкирская судьба задерживает еще меня здесь.

Полагая, что мой отзыв на направленный Вами вопрос может интересовать Вас в данное время, сообщаю свои впечатления.

Я беседовал с рядом товарищей из Союза Советских Писателей - из театральных работников, научных и руководящих.

Мнение о Бурангулове довольно-таки сходное и общее.

Я познакомился с ним также сам.

Человек это старый, знающий, опытный, «натасканный» в знании формы, и, настолько пропитанный фольклором, что сделать самому «фольклор» любого сорта ему ничего не стоит.

Научной ревности и моральных устоев в этом отношении у него нет никаких - компилирует и комбинирует всё что угодно.

Политически неграмотный, ему 7-й десяток и учиться ему поздно. Проскальзывает у него в беседе и националистический душок. Сам себя он ценит очень высоко.

От работы они его не отгоняют: у него есть заработок в научном институте по фольклору, идет пьеса на периферии, готовится еще пьеса, подстрочник которой мне дадут на этих днях.

Здесь очень задеты и оскорблены утверждением товарища Фанзовой, которая трижды сказала, что Бурангулов всё равно исключен не будет, как бы тем подчеркнув пренебрежение к решению местных организаций. Для них это вопрос автономии и авторитета. Они сами выдвигали здесь вариант с временным исключением его из Союза Советских Писателей. Я лично

считаю, что при той общности мнений, какая здесь налицо, было бы нетактично и политически неверно не утверждать их решение. Вопрос идет о принципиальной борьбе против объективно националистических установок. Мне кажется, что это надо, наоборот, - приветствовать.

Каких-либо намеков на личные счеты я здесь нигде не увидел, не проследил и, мне кажется, что если товарищи в своем решении несколько суровы, то это только по принципиальным соображениям.

Сказать, что Бурангулов является не советским человеком, я не могу, но башкирской глубинной старинки в нем очень много. Старик многого искренне не понимает. Он и с фольклором-то жульничает от чистого сердца. Но легче ли от этого объективно? Тем более, под его влияние подпадает кое-кто из молодежи».

Письмо это не датировано и, повторю, без подписи: возможно потому, что черновик; об этом не трудно догадаться по некоторым небрежностям стиля, как-то: «...из Союза Советских Писателей из театральных работников...», «от работы они его не отгоняют...», «сказать, что Бурангулов является...».

Народный сэсэн Башкортостана Мухаметша Бурангулов родился 15 декабря 1888 года. В письме сказано, что ему уже седьмой десяток, следовательно, письмо написано не ранее 1949 года, скорее всего - в 1950 году, незадолго до очередного ареста талантливого, гордого, самовлюбленного творца и сказителя башкирского фольклора (именно такой яркой, ироничной и, я бы даже сказал, высокомерной личностью запомнился он мне, когда изредка появлялся в конце 50-х - начале 60-х годов в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, где я в ту пору работал. Помнится, тогдашний директор института неоднократно полусхотливо - полусерьезно заявлял: «Эпос Урал - батыр создан Бурангуловым».).

Почему именно в 1950 году? Да потому, что год этот мне памятен: я впервые играл в серьезном шахматном турнире на первенство Башкирского областного комитета работников искусств (после удачной игры на первенство в своем коллективе - Башкирском государственном академическом театре драмы, где я проработал пять лет - (в 1945 – 1950-х годах); было это весной 1950 года, до летних гастролей. Среди участников турнира был и заведующий литературной частью академтеатра И. Гиззатуллин, и незадолго до окончания турнира его фамилию вычеркнули из списка участников, а играл он превосходно (сказали, что его арестовали вместе с Мухаметшой Бурангуловым, обвинив в башкирском национализме...).

Упомянутая в письме Р. Фаизова работала в аппарате Союза писателей СССР, была специалистом по татарской и башкирской литературе; сама она - переводчица, в частности, перевела с татарского роман Гумера Баширова «Честь», удостоенный в 1951 году Государственной премии СССР. Как видно из письма, Р. Фаизова была настроена миролюбиво, «трижды сказала, что Бурангулов все равно исключен не будет» (из Союза писателей. - М. Р.), однако башкирские писатели были настроены агрессивно: «очень задеты и оскорблены» позицией Фаизовой, то есть, иначе говоря, свои же башкирские коллеги-литераторы настояли на исключении Мухаметши Бурангулова из Союза писателей. Видимо, изгнание из Союза писателей развязывало руки правоохранительных органов...

Известно, что творческие работники на местах нередко сами проявляли излишнюю «бдительность» разоблачая своих же коллег, нередко ни в чем не повинных, - как бы выслуживались перед центром. Кстати, так было в «эпоху Горбачева» и с выполнением на местах дурацкого «антиалкогольного Указа»...

Письмо о Мухаметше Бурангулове интересно прежде всего тем, что воспроизводит живой, неординарный, колоритный, неповторимый облик крупного знатока и творца башкирского фольклора.

Несмотря на «деликатность» «спецзадания», в письме четко сказано, что хотя Мухаметша Бурангулов «политически неграмотный» и что «ему седьмой десяток и учиться ему поздно», но он - «советский человек», «пропитанный фольклором» настолько, что свободно «компилирует и комбинирует все что угодно», «проскальзывает у него и националистический душок».

Но может ли быть фольклор, да и литература любого народа без национального духа?! Скажем, если бы Мустай Карим не был национальным башкирским поэтом, он не смог бы стать выдающимся советским (российским), поэтом! Не было бы у Пушкина немеркнувшей мировой славы, если бы он не был прежде всего великим национальным русским поэтом!

Не удивительно, что такая яркая личность, как Мухаметша Бурангулов «сам себя ценил очень высоко»: он был первым крупнейшим носителем и создателем башкирского национального фольклора. Без высокого уважения к самому себе, к своему творчеству не может быть большого литератора, художника, актера!

Подлинное величие личности и значения творческого наследия Мухаметши Бурангулова далеко еще не раскрыто башкирскими учеными - фольклористами, литературоведами, театроведами...

10. Рождение эпоса «Урал-батыр» [Текст]

// Сказание о земле Баймакской. - Уфа, 1998. - С. 30.

Этот эпос относится к разряду героических сказаний, созданных на основе древних мифологических представлений и быта башкир. Он является наиболее ярким и монументальным памятником духовной культуры башкирского народа. Примечательно, что рождался эпос «Урал-батыр» на баймакской земле.

Ученые располагают сведениями о том, что поэтический текст эпоса «Урал-батыр» впервые записан Мухаметшой Бурангуловым в 1910 г. от

Габит-сэсэна, который в свою очередь усвоил его устно от сэсэна Ишмухамета Мырзакаева. Сохранился только текст Бурангулова. А каким он был в устах Мырзакаева и какие изменения претерпел в многократном исполнении Габит-сэсэна, сказать трудно. Почти так же обстоит дело с другими башкирскими эпическими сказаниями. В этом случае записи М. Бурангулова - уникальны. По ним можно вести речь об уровне сказительской культуры как самого Бурангулова, так и его предшественников.

Но прежде расскажем о том, как появились записи самого Бурангулова. Среди известных сказателей особенно высоко ценил М. Бурангулов сэсэна-кураиста Габита Аргынбаева. Постоянно держал с ним связь, еще и еще раз приезжал к нему, гостил неделями и месяцами. Слушал и изучал его репертуар в обычных условиях.

Встречался и на сабантуях, и на всенародных празднествах байге - там, где проводились не только национальные спортивные игры, но непременно и выступления-состязания народных талантов. По свидетельству М. Бурангулова, на этих состязаниях часто выходил победителем Габит-сэсэнкаурист. Ему был вручен первый приз, например, в двух байге, проведенных оренбургским губернатором в 1912 г. в честь 100-летия победы в Отечественной войне 1812 г., и байге, организованном Башкирским автономным правительством в 1920 г. в г. Стерлитамаке.

В своем труде «Башкирская народная поэзия» Мухаметша Бурангулов пишет, что Габит-сэсэнкаурист родился в деревне Идрисово примерно в 1856 году. Умер в 1921 году. Он хранил в памяти очень много произведений народного творчества, в особенности эпических поэм, и исполнял их с большим мастерством. М. Бурангулов указывает, что в течение 1910-1920 годов ему удалось записать у Габита-сэсэна целый ряд крупных эпических произведений, таких, как «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Кусяк-

бий», «Батырша», «Салават». Отмечает способность этого сэсэна без записей читать народные памятники, насчитывающие по несколько тысяч стихотворных строк.

Испокон веков богата талантами баймакская земля. Самородок высшей пробы встретился и на творческом пути Мухаметши Бурангулова.

11. Сагитов, М. М. Башкирские сказители и их эпический репертуар [Текст] / М. М. Сагитов // Башкирский народный эпос. - М.: Наука, 1977. - С. 484 - 492.

Творцами и хранителями башкирского эпоса издавна были народные сэсэны, которые играли большую роль в общественной жизни башкир и пользовались огромным авторитетом, выступая выразителями интересов, дум и чаяний народа. Когда появлялась опасность нашествия иноземных захватчиков, сэсэны призывали народ к защите родной земли, нередко становились во главе войска.

В мирные дни сэсэны принимали участие в разрешении многих спорных вопросов. «Когда возникали споры и стычки между племенами из-за кочевок и тебеневок, - пишет М. Бурангулов, - вступали в действие сэсэны. Чтобы не допускать во время спора кровопролития, роды и племена обычно собирались на майдан и устраивали состязания всадников, певцов, музыкантов, батыров. Спор считался решенным в пользу того племени, конь которого пришел первым и сэсэны, батыры, кураисты, танцоры которые одержали победу в состязании. Если какое-либо племя нарушало это решение и начинало братоубийственную войну, остальные племена, обвинив его в измене традициям, ополчались против него».

Издrevле ни один народный праздник не обходился без мудрых сэсэнов. Хотя в письменных источниках почти нет сведений о сэсэнах прошлых времен, народная память сохранила имена ряда легендарных сказителей. Например, в кубаирах «Идукай и Мурадым» упоминается «старый сэсэн и

певец по имени Хабрау, известный на всем Урал - Алтае». Хабрау воодушевлял народ на борьбу с татаро-монгольскими завоевателями»

В башкирском фольклоре широко популярен образ защитника обездоленных - мудрого и находчивого Ерансе - сэсэна, известного также в фольклоре казахского и каракалпакского народов. В башкирских легендах и преданиях об Ерансе - сэсэне рассказывается, что он свободно владел башкирским и казахским языками.

О некоторых сэсэнах сложены самостоятельные произведения. Например, сохранились айтыши о замечательном сэсэне Кубагуше, который, по преданию, жил в середине XVI в. В айтыше «Кубагуш - сэсэн» повествуется о борьбе Кубагуша с ханами и биями. Кубагуш говорит о себе:

Не власть имущий - простолюдин я,
Не власть имущий - простолюдин я,
Иду против ханов, оседлавших тулпаров,
Иду против захватчиков, ау,
Иду против захватчиков.

Кубагуш - сэсэн был известен и среди казахов. Казахские акыны слагали о нем песни-четверостишия - олени. В олене «Кубагуш-сэсэн», записанном М. Бурангуловым в 1907 г. в г. Актюбинске от акына Алсынбая, рассказывается о победе «истяцкого» акына Кубагуша над казахским акыном Бисанбаем во время поэтического состязания.

В первой половине XVIII в. в башкирском племени тиляу жил сэсэн по имени Карас. Он был не только талантливым сказителем, но и бесстрашным военачальником. Карас возглавлял борьбу против грабительских набегов иноземных феодалов. О нем был создан кубаир «Карас-сэсэн» .

Об одном из знаменитых сэсэнов XVIII в., Махмуте, сохранилось несколько народных преданий. Рассказывают, что он родился и жил в кочевье у озера Аушкуль (ныне Учалинский район Башкирской АССР). О нем сложены также кубаир «Махмут-сэсэн» и песня «Пеший Махмут».

Живший в XVIII и в начале XIX в. прославленный сэсэн Байк из аула Махмут Мырзаларской волости Уфимской провинции (ныне Учалинский район Башкирской АССР), сын тархана Байназара, был известен не только в Башкирии, но и в казахских степях. Он принимал участие во многих айтышах. В кубаире «Байк-Айдар» говорится, что Байку удалось победить в поэтическом состязании даже знаменитого Бухар-жырау - казахского акына XVIII в..

Байк был не только талантливым сэсэном, но и искусным сочинителем и исполнителем мелодии на курае. Байк принял участие в Крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Е. Пугачева. Личной храбростью и словом он воодушевлял воинов легендарного полководца и поэта Салавата Юлаева. Преследуемый за участие в восстании, Байк долгие годы вынужден был скитаться в горах и отдаленных кочевьях, скрываясь от карателей.

Мудрый Байк никогда не отождествлял русский народ с представителями монархической власти. В 1812 г., во время нашествия войск Наполеона на Россию, столетний Байк призывал башкир к защите России. Известно, что в 1814 г. Байк игрой победного марша на курае встречал башкирских воинов, вернувшихся после окончания войны. Его марш, называемый «Байк» и «Карт Байк», популярен и в наши дни. О Байке народ создал кубаир «Байк-Айдар».

В XIX в. среди сэсэнов особенно выделялась фигура Ишмухамета Мырзакаева (1781-1878) из аула Янги-Балапан Тилявской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии (ныне Абзелиловский район Башкирской АССР). Он удачно сочетал искусство сэсэна с искусством певца и был известным кураистом. Ишмухамет Мырзакаев считался автором нескольких песен и мелодий: «Санглы узак», «Аюка», «Юлтый карак», «Малбай», «Бузыкаев» и др. Мырзакаев жил обычной жизнью крестьянина, но время от времени вынужден был отправляться на службу кураистом к начальнику 9-го башкирского кантона Оренбургской губернии известному

меценату Кагарману Куватову (1766 - 1868), а также к генерал-губернатору Оренбургской губернии В. А. Перовскому.

Ишмухамет Мырзакаев оказал большое влияние на творчество многих башкирских сэсэнов. Один из его учеников - яркий, самобытный сэсэн Габит (ок.1850-1922) из аула Идрис Второй Бурзянской волости Оренбургской губернии (ныне Баймакский район Башкирии). Габит сэсэн перенял от Ишмухамета Мырзакаева такие сказания «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбюзат», «Алпамыш», «Кусяк-бий» и др.

В начале XX в. лучшими продолжателями традиций сэсэнов, знатоками и ценителями эпических сказаний были Хамит, Гатиатулла Биккужин, Мухаметша Бурангулов, Сабирьян Мухаметкулов, Хайрулла Ишмурзин и др. Среди них особое место принадлежит сэсэну Мухаметше Бурангулову.

Почти в каждом башкирском ауле имеются знатоки и исполнители кубаиров, легенд, сказок. Но не каждому сказителю удалось заслужить звание народного сэсэна. Народ называл сэсэном лишь исключительно одаренных сказителей, которые обладали не только исполнительским талантом, но и способностью к импровизации. Именно таким подлинно народным сэсэном являлся Мухаметша Бурангулов, обладавший феноменальной памятью и блестящим талантом импровизатора.

Мухаметша Бурангулов родился в 1888 г. в ауле Урге-Ильяс Юмраи-Табынской волости Бузулукского уезда Самарской губернии (ныне Люксембургский район Оренбургской области) в семье крестьянина-середняка Абдрахмана. В 1901-1902 гг. он поступает в земскую школу в ауле Юлдаш, затем учится в каргалинском медресе. Двенадцати лет, оставшись сиротой, М. Бурангулов для продолжения учебы вынужден в летние каникулы работать приемщиком на мельнице в г. Актюбинске, заниматься обучением детей в казахских аулах. В Казахстане Бурангулов знакомится с творчеством казахских акынов и записывает ряд образцов казахского фольклора. В 1907 г. М. Бурангулов заканчивает каргалинское медресе, после

чего около двух лет работает в комиссии по переписи населения. В эти годы он знакомится с известными башкирскими сэсэнами Габитом и Хамитом и перенимает от них эпические поэмы «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Кусяк-бий», «Карасакал», «Марган и Маян» и др. От них же он записывает большое количество кубаиров. В 1909-1911 гг. Бурангулов обучается в медресе «Хусаиния» в Оренбурге.

После Великой Октябрьской социалистической революции он долгие годы работает в органах просвещения Башкирии, преподает в школах и техникумах башкирский язык, и литературу. В 1938 г. его приглашают на работу в Башкирский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы в качестве научного сотрудника, где в основном он занимается сбором и публикацией башкирского фольклора.

Мухаметша Бурангулов известен не только как сэсэн и собиратель башкирского фольклора, но и как драматург. Им написано несколько пьес, музыкальных драм по мотивам башкирского фольклора («Ашкадар», 1917; «Ялан Яркай», 1923; «Шаурекай», «Энжекай и Юлдыкай», «Башкирская свадьба», 30-е годы и др.). В 20-х и 30-х годах эти пьесы успешно ставились в театрах республики.

Бурангулов создал кубаиры, посвященные актуальным темам современности. В кубаире «Отечественная война» он воспел былые воинские доблести башкирского народа, призывая бойцов на битву с фашистскими захватчиками.

М. Бурангулов умер в 1966 г. Его роль в башкирской фольклористике как собирателя устного народного творчества и сэсэна огромна. В Архиве Башкирского филиала АН СССР хранится большое количество записей башкирского фольклора, произведенных М. Бурангуловым в различные годы от разных сказителей; много сказаний и кубаиров М. Бурангулов записал из своего собственного репертуара.

В башкирском фольклоре заметный след оставило творчество Сабирьяна Мухаметкулова. Он родился в 1890 г. в ауле Кипчак (Узян) Орского уезда Оренбургской губернии (ныне Бурзянский район Башкирской АССР) в семье состоятельного крестьянина из рода карагай - кипчак племени кипчак. Его отец, Мухаметзакир (1861-1919), был известным сэсэном.

С детских лет Сабирьян проявлял большой интерес к народной музыке, обучался: у многих сказителей исполнительскому мастерству. В 1900-1911 гг. он учился в медресе в ауле Рауыл (в нынешнем Абзелиловском районе), а затем - в г. Стерлитамаке.

По окончании медресе Сабирьян несколько лет учительствовал в башкирских аулах. В 1914-1915 гг. занимался этим трудом в Казахстане, где познакомился с казахскими акынами, оказавшими на его творчество значительное влияние. С. Мухаметкулов помимо родного владел арабским, персидским и казахским языками. Он был известен не только как исполнитель героических сказаний, песен, но и как импровизатор, создатель многих песен и байтов, которые исполняются сказителями и в наши дни. Сэсэн С. Мухаметкулов знал наизусть множество башкирских и казахских эпических сказаний.

По просьбе слушателей сэсэн записывал эпические сказания из своего репертуара. Его рукописи затем переписывались и распространялись в народе. Так, в 1910 г. С. Мухаметкулов впервые записал сказание «Кусяк-бий». По свидетельству родных сэсэна и односельчан, С. Мухаметкуловым были письменно зафиксированы и другие сказания. Однако эти записи до нас не дошли.

С 1919 г. С. Мухаметкулов целиком посвятил себя учительской работе. Умер он в 1934 г.

Сэсэнны во все времена выступали выразителями интересов трудового народа, его идеалов, дум и чаяний. Среди них, однако, встречались и такие, кто отдавал свой талант служению феодальной аристократии. Народ не

признавал и презирал их. Отрицательное отношение народа к таким сказителям ярко выражено в народных произведениях. Например, в айтыше «Кубагуш-сэсэн» резко осуждается сказитель Акмырза, усердно служивший хану.

Антинародные сочинения, в которых прославлялись эксплуататорские классы, жили недолго: народ не воспринимал таких произведений.

Башкирские сэсэнны не были профессиональными, сказительство никогда не было единственным источником их существования. В большинстве случаев сэсэнны происходили из бедного крестьянства и до Октябрьской революции средства к жизни добывали крестьянским трудом. Время от времени они принимали участие в народных празднествах, сабантуях, свадьбах, где получали различные подарки.

Сэсэнны советского времени - простые труженики: колхозники и представители интеллигенции. Советское правительство окружило их вниманием и заботой, создало все условия для расцвета их таланта. Благодаря радио и печати творчество многих сэсэннов стало широко известно по всей республике.

По письменным и фольклорным источникам известны сэсэнны-женщины. По преданиям, в середине XVI в. жила в племени бурзян девушка-сэсэн по имени Гильмияза. Гильмияза была сказительницей, славилась как непревзойденная исполнительница кубаиров и песен. О Гильмиязе слагались легенды и песни. В одной из легенд рассказывается, что между башкирскими племенами, особенно между крупными племенами бурзян и усерген, возникла острая вражда из-за кочевий у горы Ирендек. Бий усергенского племени Бикбау однажды решил согнать бурзянцев и другие мелкие племена с их исконных кочевий. Усергенцам удалось овладеть Ирендеком силою оружия. Но спустя некоторое время бурзянцы и другие племена объединенными силами выступили против них. Бикбау- бий, потерпев ряд военных неудач, согласился на мирное решение спора. Он сказал своим противникам: «Хватит

нам кровь проливать. Давайте организуем большой туй. Чей батыр поборет, чей конь прискачет первым, чей сэсэн победит в состязании, тому пусть достанется Ирендек».

В состязании батыр усергенцев занял первое место, но на скачках не имел себе равных конь бурзянцев. Спор могли теперь решить только сэсэны. В состязании Гильмияза победила усергенских сэсэнов, и Ирендек остался за бурзянцами.

В наше время сэсэны-женщины, прекрасно исполняющие кубаиры, пользуются широкой известностью. Это Бадерниса Афлатунова (Сафакулевский район Курганской области), Рахили Телякаева, Хатира Селяусинова (Александровский район Оренбургской области). Уммухят Кулдавлетова (Бурзянский район), Хадиса Кусабаева (г. Мияс).

Сказительское мастерство башкирские сэсэны перенимали друг у друга. От старых, умудренных опытом сказителей постигали искусство молодые. Например, известный сэсэн Габит в молодости обучался у сэсэна Ишмухамета Мырзакаева. Он усвоил почти весь его эпический репертуар, манеру исполнения кубаиров. Габит, в свою очередь, был наставником молодого сэсэна Мухаметши Бурангулова. Иногда сказительское мастерство передавалось от отца к сыну. Например, сэсэн Сабирьян Мухаметкулов учился у своего отца Мухаметзакира Мухаметкулова и перенял весь его репертуар.

Передаваясь из уст в уста, башкирские эпические сказания в течение многих веков подвергались шлифовке и изменениям, становясь плодом коллективного творчества нескольких поколений сэсэнов.

И в наши дни, несмотря на сплошную грамотность сказителей и населения, сказания живут и бережно передаются изустно

Однако устная передача эпических сказаний являлась не единственной, хотя и главной формой их бытования. Еще в дореволюционное время в Башкирии были случаи распространения эпических поэм в рукописях.

Некоторые грамотные сэсэнны иногда записывали сказания из собственного репертуара или услышанные в исполнении других сэсэнов. Их записи, в свою очередь, переписывались и распространялись в народе.

Так, в начале XIX в. русский чиновник Тимофей Беляев встретил одного грамотного сэсэна и кураиста и познакомился с его записью сказания «Кузыкурпес и Маянхылу». В 1809 г. он перевел это сказание на русский язык, а в 1812 г. опубликовал отдельной книгой.

Есть основание полагать, что являющееся логическим продолжением «Кузы-Курпяча и Маянхылу» сказание «Зухра и Алдар» также переведено Т. Беляевым с рукописи того же неизвестного нам башкирского сэсэна. Эти два сказания дошли до нас лишь благодаря русскому переводу.

Также в рукописях в начале XX в. получило распространение в народе (особенно среди населения бурзянского и кипчакского племен) сказание «Кусяк-бий», записанное сэсэном Сабирьяном Мухаметкуловым.

В дореволюционной Башкирии грамотными в большинстве своем являлись лица, получившие духовное образование,- муллы и другие служители культа. Поэтому в отдельные записи эпических произведений вносились исламские идеи, отсутствовавшие в самих народных сказаниях.

Так было, например, с рукописными вариантами сказаний «Кузыкурпес и Маянхылу», «Зухра и Алдар», «Кусяк-бий».

По своей лексике сказания, дошедшие до нас в рукописях, отличаются от записанных в момент устной импровизации. В них часто встречаются персидские и арабские слова, а повествование ведется в основном на общем для многих тюркских народов литературном языке - тюрки. Такие рукописи воспринимались народом как священные книги, как подлинный исторический материал, поэтому и переписчики старались точно скопировать текст, а рукописи бережно хранились их владельцами.

В башкирских сказаниях, как и во многих эпических жанрах других тюркских народов, стихи обычно чередуются с прозой.

У башкир прозаическая часть рассказывается, а стихотворная поется без сопровождения музыкального инструмента. Напевы довольно разнообразны. За некоторыми произведениями закрепились определенные мелодии. Например, такие эпические сказания, как «Заятуляк и Хыухылу», «Акхак Кола», «Кара Юрга», «Конгур Буга», имеют собственные напевы. Однако большая часть эпических произведений не имеет определенной мелодии. Видимо, сэсэны при исполнении их использовали один или несколько излюбленных мотивов, которые не были прикреплены к определенным сюжетам.

Тирадный стих, эпическая нагнетаемость действия наложили печать на мелодии сказаний, которые отличаются нарастающей динамикой ритма.

Форма стиха башкирских сказаний в некотором отношении напоминает казахский жыр, алтайский кай, каракалпакские дастаны. В метрике и форме стиха наблюдается довольно большое разнообразие. Встречаются в эпических поэмах семи- и восьмисложные, девяти-, одиннадцати- и двенадцатисложные метры. Например, сказание «Заятуляк и Хыухылу», а также некоторые варианты «Акхак Кола» в основном имеют девятисложный стих. Однако значительно шире используются семи- и восьмисложные стихи, объединенные в строфы, число строк в которых может колебаться от 2 до 48 и более.

Иногда встречаются одиннадцатисложные четверостишия, рифмующиеся по принципу ааба («Кусяк-бий»).

В многострочной строфе главная мысль обычно заключена в первых или в последних строках. Остальные стихи дополняют, уточняют эту мысль. Например:

Среди шестидесяти лошадей

Исчезли шесть горячих коней:

Нет пестрого, которого подпругой не охватишь,

Нет саврасого, для которого подхвостник короток,

Нет вороного, чьи ноги, как у ласточки,
Нет серого с голубиной грудью,
Нет мухортого со светлой полоской на лбу,
Нет солового со звездочкой на лбу, говорят.

(«Акхак Кола»)

Наиболее излюбленна у сәсэнәв перекрестная рифма:

Уң яғымдан тая уға
Балкан тауым бар минең;
Һул яғымдан тая уға
Һыу Һылыуым бар минең
(«Заятуляк и Хыухылу»)

Часто встречается также рифма типа ааба:

Һарай тулы кыз булыр,
Һылыузары күп булыр,
Аралай күз һалырһың,-
Айған яқты йөз булыр.
(«Акбузат»)

В тирадном стихе можно встретить самые различные рифмы - от простых до сложных. Например, приведем тирадный стих со сложной рифмой:

Акбуз шунда туктаған,
Бөтә майған һокланған:
Һыртына эйәр һалынған, ти,
Эйәренең башына
Алмас жылыс тағылған;
Эйәренен кашы алтын,
Йүгәненең башы алтын;
Җолағын беззәй җазаған,
Ялын кыззай тараған,

Башкүнәктәй танаулы,
Һарымһаҡтай аҙаулы;
Карсыға түш, тар бөйөр
Еңел, текә тояҡлы;

(«Урал-батыр»)

В семисложном стихе важную роль играет цезура, которая приходится на четвертый слог и делит строку на два ритмических звена:

Егет һүҙең|һүз булһын, һиңә антым | бирәйем, Үҙеңде алып|илемә, Атам
торған|еремә, Ҡан-яу асмай|арала, Һоҡланғанһың|бирәйем.

А в одиннадцатисложном стихе цезура приходится на четвертый и седьмой слоги и делит строку на три ритмических звена:

Кулға ул| алмаҫ ҡылыс| тотоп алды, Ике Иаба Ҡымызһы Ҡйотоп алды;
Ҡыҙһы ташлап|Келәмбет|сытқан ине, Сытқан тотқан|бесәйһәй тотоп алды.

(«Кусяк-бий»)

В башкирских сказаниях широко используются пословицы и поговорки, которые лаконично резюмируют то, о чем говорится как в объемной тираде, так и в небольшой строфе:

Если животное отбилось от стада,
Его в овраге волк схватит;
Если мужчина свою родину бросит,
Его до времени могила возьмет.
Обругавший отца - пищи лишится,
Обругавшему мать - слезы лить;
Возмутителю мира - своей кровью расплачиваться,
Плохой человек запятнает свою страну,
От плохого человека народ отвернется.

Нередко в сказаниях можно встретить загадки. Их загадывание (обычно сәсәном, старейшим в племени или ханом) и разгадывание (обычно

богатырем, который демонстрирует свой ум и находчивость) являются одним из художественных приемов в башкирском эпосе.

Обычно в эпических поэмах занимает большое место диалог, который имеет стихотворную форму. В жанре айтыса диалоги выполняют главную художественно-композиционную роль.

Башкирский народный эпос и по сей день исполняется народными сэсэнами и пользуется большой популярностью. Эпические сказания, созданные гением и талантом народа в далеком прошлом, и сегодня волнуют наших современников, повествуя о благородных чувствах, стремлениях и делах народных героев-батыров, боровшихся за счастье людей.

**12. Шафиков Г. Г. Он сберег память народную [Текст]: Жизнь и судьба Мухаметши Бурангулова / Г. Г. Шафиков
// Шафиков Г. Г. И совесть, и жертвы эпохи. - Уфа: Башк. кн. изд -во, 1991. - С. 25 - 39.**

Я видел его всего один или два раза. Был он уже достаточно стар, двигался тяжело, выглядел невесело. Даже печально. Щелки глаз, которые тонули в отеках века, смотрели как-то отрешенно. Может быть, даже обреченно. На склоне своих лет он искал выхода из тупика жизни, желал обрести или, хотя бы, сохранить душевное равновесие. Но так до самой смерти его и не обрел.

О нем ходили всякие были и небылицы, разные побасенки, представлявшие его таким бесшабашным балагуром и чудаком. Широко бытовали анекдоты о том, как он сидел в одиночной камере Бутырской тюрьмы и его навещали правительственные особы. Ему приписывали шуточки, порою весьма невысокого пошиба. При упоминании его имени было принято делать многозначительную мину и ненатурально склаться. Его «сидки» в тюрьмах при разных режимах представлялись весельчакам некой причудливой игрой судьбы. Говорили, что он ухитрился посидеть даже в Петропавловской крепости. Однако в биографии М. Бурангулова сей факт

не зафиксирован. Весельчаки не желали видеть трагедию человеческой жизни, предпочитали лицезреть лишь ее комические стороны, которые сами же выдумывали и выпускали в свет, как экзотических пташек из клетки.

Справедливости ради следует признать: Мухаметша-агай и впрямь был большим шутником, живым и находчивым человеком, никогда не лезущим в карман за словом. Об этом свидетельствуют все, кто его знал лично. Находчивость эта проявлялась прежде всего в способности импровизировать на глазах у присутствующих, придумывать разные смешные истории и даже сочинять стихи. Недаром ему было присвоено звание народного сэсэн-импровизатора. Будучи в Казани, он демонстрировал эти свои способности перед большим скоплением народа. Одному из видных татарских литераторов приписывают сакраментальную фразу: «Наконец-то меня убедили в существовании башкирской нации!»

Не вина, а беда Бурангулова, что ему пришлось жить и творить в тяжелейшую пору, когда любая невзначай уроненная шутка воспринималась как посягательство на государственные устои и доходила до «компетентных» органов в виде политического демарша. Оргвыводы не заставляли себя ждать. Очень серьезные и более чем бдительные коллеги по перу не склонны были разделять его шутливый оптимизм, и каждый момент были начеку. Вот почему Бурангулову чаще других выпадала роль «стрелочника», без которого не обходился ни один творческий коллектив сталинской эпохи. Лучшего громоотвода, нежели Мухаметша Бурангулов, трудно было желать. Вот почему на склоне лет, очередной раз отсидев в тюрьме по милости все тех же бдительных коллег по перу, он мучительно искал выхода из жизненного тупика.

А узнал я об этом двадцать два года спустя - из небольшой статейки его сына Нажиба Мухаметшиевича Бурангулова, опубликованной в девятом номере журнала «Агидель» за 1988 год. Я процитирую лишь небольшой

отрывок из письма Мухаметши Абдрахмановича к тогдашнему первому секретарю обкома КПСС Зие Нуриевичу Нуриеву:

«...по решению суда мне вернули звание члена Союза писателей и народного сэсэна Башкирии. Что мне теперь остается? Несмотря на свои 72 года, я пока чувствую себя неплохо, а потому оставшиеся лета хочется отдать работе во имя своего родного народа, которому всегда старался служить... Но те, кто меня ненавидит, желают заживо похоронить и меня, и мое творчество, оторвать меня от моего народа... вырвали квартиру, и теперь я живу в невыносимых условиях. Тем не менее, я продолжаю трудиться...»

Далее Нажиб Мухаметшиевич пишет: «Отец мой с нетерпением и надеждой ждал ответа первого секретаря, но товарищ Нуриев ответить не соизволил».

А теперь мысленно перенесемся на расширенное заседание правления Союза писателей Башкирии, которое состоялось 26 октября 1946 года. По первому вопросу сообщение делает тогдашний ответственный секретарь Союза писателей республики Гали Зулькарнаев. Он кратко излагает решение собрания, говорит об ошибках и недостатках башкирской советской литературы в свете решений ПК ВКП(б). Главные виновники - Мухаметша Бурангулов и Баязит Бикбай, допустившие в своих произведениях националистические тенденции (самая ходовая и беспроясненная форма обвинения того периода, которой с наслаждением пользовались партийные и литературные прохиндеи, правившие бал в административных и творческих учреждениях).

«Все творчество Бурангулова, - говорится в обвинениях, - пропитано национализмом. В созданных им пьесах на исторические темы история башкирского народа извращается в пользу националистических идей. Вещи, написанные на современную тему, являются грубым извращением советской действительности». Затем ответственный секретарь делает вывод: надо

решать вопрос о правомерности пребывания Бурангулова в рядах членов Союза писателей СССР.

Вот пункты обвинений, прозвучавших в устах других писателей, принимавших участие на том заседании: творчество Бурангулова вырастает из местнической националистической ориентации. Он шел последовательно шаг за шагом, проводя чуждую идеологию, от приукрашивания патриархальной жизни к самобытности и обособлению, от обособления к противопоставлению башкирского народа русским...

Бурангулов вступил в фольклоре на ложную дорогу, стал создавать псевдонародные вещи, искажающие жизнь в пользу чуждой идеологии; у Бурангулова нет ни одного произведения, которое служило бы народу. Ошибки его из года в год не уменьшались, а последовательно развивались и увеличивались. Мало того, он не понимал свои ошибки и не думал об их исправлении, даже после исторических решений ЦК ВКП (б).

Эти пункты взяты из выступлений разных товарищей, иным из которых это не помешало впоследствии обильно пользоваться произведениями башкирского фольклора разного жанра, сохраненных для жизни именно М. Бурангуловым, который начал собирать жемчужины народного творчества еще в юношеском возрасте. Многие товарищи защитили по ним кандидатские и докторские диссертации. И все они требовали на памятном заседании исключения Мухаметши Бурангулова из рядов Союза писателей. Расхожее объяснение этого поступка в устах этих ученых просто, как дважды два: время было такое - попробуй, попри против партийных установок!

Подвел итог обсуждению председатель Союза писателей Сайфи Кудаш: «Мы еще никогда не слышали от Бурангулова искреннего признания своих ошибок, - сказал он. - Выпущенный им сборник «Эпос о богатырях» состоит из фальсификации. А он все еще оспаривает эту псевдонародную книгу. Творчество народа не может быть реакционным. Только фальсификаторы,

подобные Бурангулову, извлекают жемчужины народного творчества. Я поддерживаю предложение об исключении Бурангулова из Союза».

Думаю, будет любопытно привести краткое изложение текста решения расширенного заседания по творчеству Бурангулова М. и исключению его из Союза писателей:

а) учитывая, что за весь период своего творчества Бурангулов М. не создал ни одного выдержанного в идейном отношении произведения, что все его произведения на историческую тему были пропитаны духом приукрашивания прошлого, духом защиты патриархально-феодального строя, духом национализма (пьесы «Идукай и Мурадым», «Башкирская свадьба», «Гюльсясяк» и др.), тем самым он в своем творчестве оказался на платформе, чуждой Советской власти;

б) что, собирая устное творчество башкирского народа, искажал, фальсифицировал его в угоду националистическим тенденциям;

в) что произведения Бурангулова, написанные на современную тему («Дети бабушки Сарби», «Пример» и др.), являются опошлением советской действительности;

г) что произведения Бурангулова «Эпос о героях», «Идукай и Мурадым» были резко осуждены в двух постановлениях ЦК ВКП(б) как вредные, антинародные, националистические;

д) учитывая, что Бурангулов в прошлом был религиозным деятелем (муллой), позднее - деятелем националистического контрреволюционного валидовского правительства, до последнего времени не мог освободиться от националистической идеологии, что отражалось в его творчестве; руководствуясь параграфами 2 и 5 Устава Союза писателей СССР, Бурангулова М. исключить из членов Союза писателей СССР и просить секретариат СП Союза ССР утвердить данное решение. Просить Верховный Совет БССР снять с Бурангулова звание «сэсэна», как не оправдавшего это почетное звание.

Таков итог памятного заседания Союза писателей Башкирии, проходившего в 1946 году. И если я столь подробно привожу его содержание, то лишь потому, что оно довольно полно передает не только политический, но и творческий климат, в котором приходилось работать таким людям, как Мухаметша Абдрахманович Бурангулов.

Да, Бурангулов стал главным стрелочником печально известного постановления ЦК ВКП(б) того года, когда были ошельмованы замечательные писатели Михаил Зощенко и Анна Ахматова; когда многие литераторы в разных больших и малых республиках были объявлены отпетыми националистами. Под марку идеологически вредного попал общий для нескольких тюркоязычных народов эпос «Идукай и Мурадым».

После расправы над Бурангуловым ему была брошена спасительная соломинка - так называемый испытательный срок, в течение которого он должен был вести себя примерно и написать идейно выдержанные произведения. И он хватается за эту соломинку, пишет одну пьесу за другой, представляя их на обсуждение Союза писателей.

Передо мной многочисленные рецензии на его пьесы - людей уважаемых и авторитетных. Но как же тенденциозно и предвзято подходят они к оценке драматических произведений ослушника! Страх перед его репутацией? Исполнение категорических установок руководства?.. Разумеется, и то, и другое! Словом - ни одного положительного отзыва, теплого слова. Категорический вывод в конце каждой рецензии, табу на возможность их постановок.

Может быть, Мухаметша Бурангулов действительно разучился писать? А может быть, и никогда не умел этого делать?

Да нет, и первая пьеса «Ашкадар», написанная им еще в 1914 году, и «Башкирская свадьба», созданная через полтора десятилетия после «Ашкадара», пользовались шумным успехом у зрителей, привлекали к себе внимание разных театров. Постановка последней, по свидетельствам

тогдашней прессы, вообще стала событием в культурной жизни, ярко и всесторонне представила башкирский характер, обычаи, исторические традиции, обряды и игры башкир. Пьеса большая, содержащая более ста страниц. Она и сегодня читается с интересом, и, конечно, будет любопытно увидеть ее на сегодняшней сцене...

Этот очерк был написан в октябре 1988 года, 25 октября - напечатан в «Советской Башкирии». В декабре того же года общественность широко отметила 100-летний юбилей Мухаметши Бурангулова, материалы о нем появились во всех газетах, в том числе, в центральных. Был открыт счет на установку памятника Бурангулову. Сибайский драматический театр поставил его пьесу «Башкирская свадьба», которая и через 60 лет после своего написания прозвучала свежо и интересно.

Да, «Ашкадар», «Башкирская свадьба», «Идукай и Мурадым»... - все эти и некоторые другие пьесы Бурангулова были поставлены на сценах разных театров задолго до заседания правления Союза писателей БАССР от 1946 года. А что потом? А потом он непрерывно трудится. Из-под его пера выходят все новые и новые пьесы: «Настоящая любовь», «Шаура-килен», «Бурные дни»... Но дамоклов меч Идукая непоколебимо висит над его головой, не выпуская из цепких тисков прилепленных к нему ярлыков. А рецензии и выводы коллег по перу звучат кратко и беспощадно: «Новая пьеса Бурангулова... идеализирует старый быт башкир, грубо искажает историческую правду. Автор, как видно из его пьесы, ничего не извлек для себя из известных постановлений ЦК ВКП (б), он повторяет старые ошибки...»

И вот на имя председателя бюро национальной комиссии при Союзе писателей СССР П. Г. Скосырева направляется итоговое письмо, в котором говорится, что испытательный срок, данный М. Бурангулову, давно истек, и он его не выдержал. За несколько дней до истечения этого срока Бурангулов представил в журнал «Әдеби Башкортостан» («Литературная Башкирия» -

прежнее название нынешней «Агидели») письмо, но редакция его не опубликовала, поскольку в нем Бурангулов совершенно однозначно не признавал идейных пороков своих пьес. И в то же время пытался доказать неизбежность подобных ошибок. Он так и писал: «Мог ли я один не ошибиться, если историки и литераторы, вооруженные теорией куда больше, чем я, ошибались в освещении прошлого?»

Это уже был прямой вызов.

Изложив свои позиции, руководители писательской организации спрашивают в конце письма: «Можно ли и следует ли оставить Бурангулова в дальнейшем в рядах членов Союза писателей?», одной постановкой своего вопроса подразумевая неизбежный ответ.

Письмо в редакцию журнала «Әдеби Башкортостан» само по себе представляет собой удивительный документ. До конца «испытательного срока» оставалось несколько дней, и Бурангулов делает отчаянные попытки защититься, найти для этого какие-то неопровержимые доводы. Но какие? Он прекрасно сознает, что объявлять реакционным и националистическим эпос сразу нескольких народов - или нелепость, или, на худой конец, недоразумение. Но именно из-за этого любимого им эпоса, добытого в муках трудных дорог и скитаний, сотнях потраченных им дней и недель (и добавим от себя - рублей), он попал в клейменные. И Мухаметша Абдрахманович пытается подспудно оправдать народное произведение. Он приводит высказывания разных авторитетных ученых, писавших про эпос о Едигее (Идеге). Почти все они возносят этот памятник, называя ногайского властителя народным героем.

Но ничто не помогло собирателю башкирского фольклора. Суд времени был суров и обжалованию не подлежал.

Между тем, Бурангулов далеко не единственный, кто создавал свои драматические произведения на основе эпических памятников. В литературном мире это вполне узаконенное явление. Сошлюсь хотя бы на

пример выдающегося казахского писателя Мухтара Ауэзова, который на базе народного творчества создал такие исторические драмы, как «Енлик и Кебек», «Карагоз», «Айман и Шолпан», «Кобланды»... Можно ли его обвинять в заимствовании или, тем паче, в плагиате? А вот М. Бурангулову приходилось постоянно выслушивать такие упреки и обвинения.

Мухаметша Абдрахманович занимает в башкирской литературе совершенно особое место. Хотя бы уже потому, что в 1943 году ему было официально присвоено звание народного сэсэна, с которым мы обычно привыкли связывать полуграмотных сказителей из самых глубин народа, сумевших запечатлеть в своей незаурядной памяти исторические кубаиры, легенды и предания, сказки и песни. Мухаметша Бурангулов же был человеком вполне образованным. Помимо Оренбургского медресе он закончил в 1935 году литературное отделение Уфимского педагогического института, затем работал научным сотрудником Института истории, языка и литературы. Он писал не только драмы, но и прозу, научные статьи. Его поэтическое слово согревало душу тысяч сородичей - и не только в родном краю, но и на фронте. Именно к ним обращал он свои вдохновенные строки народно-эпической поэмы «Отечественная война».

Тем не менее, звание «народный сэсэн» как нельзя более подходило и к его личности, и к характеру его творчества. Трудно назвать другого человека, который так глубоко и преданно занимался фольклором родного народа, его собиранием и систематизацией.

Некоторых нынешних исследователей народного творчества раздражает тот факт, что не всегда удастся разграничить нетронутую целину фольклорных памятников и бурангуловские «вкрапления». Настолько неприметно и органично вплетаются они в живую ткань народного слова и мышления. Что скажешь, сэсэн! До сих пор серьезные ученые-фольклористы не хотят признавать оригинальность эпоса «Юлай и Салават», подозревая в нем более чем искусную поделку все той же «бурангуловской

руки». Что ж, на то они и серьезные ученые, в отличие от не очень-то серьезного, несколько вольного и неистового в работе Бурангулова, который порою забывал, где исторический материал, а где его писательское перо. Можно ли его в этом упрекать? Разумеется, нет! Тем более, что все эти факты - скорее гипотезы, вряд ли имеющие принципиальное значение. Зато все мы знаем, что многие самые ценные, самые древние и характерные для башкирского народа памятники сохранены для нас именно М. Бурангуловым, его подвижнической деятельностью и преданностью делу. И этого у него не отнимешь! Я имею в виду прежде всего такие выдающиеся памятники, как «Урал-батыр», «Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Алпамыша» и ряд других. Никаким другим словом, как самоотверженный творческий подвиг, великое дело жизни, я это назвать не могу. И в этом смысле имя Бурангулова сравнимо лишь с именами таких выдающихся фольклористов, как собиратель русских народных сказок А. Н. Афанасьев, создатель замечательного карело-финского эпоса «Калевала» Элиас Лённрот, киргизский манасчи Сагымбай Оразбаков...

А вот о том, что касается его духовной деятельности и причастности якобы к валидовскому движению, есть смысл поговорить.

Никто другой из литературной среды не подвергался стольким гонениям и разбирательствам, как он. Никто не сидел в тюрьмах по стольку раз. И после каждой очередной ostrакции ему приходилось смывать «родимые пятна» и доказывать, что он вполне нормальный советский человек. Невероятно, но факт: последний раз он сидел с 1950 по 1955 годы, затем, уже освобожденный, стал подвергаться всевозможным нападкам и наветам, опять угодил за решетку и вышел на свободу еще через четыре года! Думается, именно на судьбе Мухаметши Абдрахмановича нагляднее всего можно проиллюстрировать истинный облик нашей юриспруденции тех лет, не считавшейся с правами человека, не способной защитить невиновных от клеветы и оголтелого натиска грязных людишек. После обращения с

письмом лично к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С Хрущеву 30 октября 1959 года Верховный суд Башкирской АССР рассмотрел на своем заседании дело М. Бурангулова и вынес такое решение:

«Дело гражданина Бурангулова Мухаметши Абдрахмановича, 1888 года рождения, профессия - писатель, по протесту заместителя Председателя Генерального прокурора СССР пересмотрено заново 30 октября 1959 года. В связи с отсутствием состава преступления решение суда от 18 октября 1950 года считать недействительным. Председатель Верховного суда БАССР Изгин».

Таков финал его «тюремной» эпопеи, занявшей, в общем счете, полтора десятка лет. И то, что несмотря на эти жестокие испытания, Мухаметша Бурангулов не потерял жизненного оптимизма, не отказался от любимого дела, продолжал бороться за свои творческие и научные принципы, говорит о сильной и целенаправленной натуре, убежденности в своей правоте. Впрочем, об этом свидетельствует вся его предыдущая жизнь, лаконично и сухо зафиксированная в разных автобиографиях.

«Родился в 1888 году в деревне Верхне-Ильясово Бузулукского уезда в семье крестьянина-середняка. Родители умерли в 1900 году, и я воспитывался у родственников. После окончания школы уехал в Оренбург в 1901 году. Летом работал в столовой Багаутдина Баязитова как официант, а зимой учился в медресе в Каргалах. Летом учительствовал среди казахского населения, а зимой учился в городе Оренбурге в медресе «Хусаиния», которое окончил в 1911 году».

За этими строчками как раз и сквозит вот эта постоянная целеустремленность и нацеленность на овладение все большими знаниями и жизненными высотами. Ради этого молодой Мухаметша шел на все: мог служить и официантом, и мельничным работником, и учительствовать, получая гроши на пропитание. Весьма характерная для многих башкирских литераторов судьба!

Коллеги по перу не раз обвиняли его в «служении религии», упрекали в том, что он был преподавателем приходской школы при мечети.

Увы, мы и по сей день недооцениваем положительные стороны дореволюционного медресе, духовных заведений и школ. Что и говорить, была здесь и слепая зубрежка мертвых арабских талмудов с ненужными именами святых пророков и их ближних. Существовала палочная дисциплина, и невежество многих хальфов и мулл. Об этом так много писано и говорено, что само слово «мулла» или «муэдзин» стало резко нарицательным и антипатичным. Между тем, мы забываем, что светские школы в нашем краю были довольно редки и действовали в основном в населенных пунктах городского типа. Простые люди и их дети получали образование в деревенских школах и медресе, которые, как правило, содержались муллами и хазретами. Хотя бы уже поэтому подвергать их повальному оплевыванию по меньшей мере безнравственно. Крупнейшие медресе - Уфимское «Галия», Оренбургское «Хусаиния», такие же заведения в Троицке и Стерлибашеве тоже считались сугубо религиозными. Но дух, царивший среди их шакирдов, был отнюдь не религиозным. Не удивительно, что именно оттуда вышло столько замечательных общественных деятелей, писателей, работников искусства, революционеров... В подростковом возрасте Мажит Гафури учился в медресе Хатип-хазрета в ауле Большое Утяшево, что в двух верстах от Зилим-Караново. Два медресе содержал хазрет Хатип Халпков, в которых обучались десятки шакирдов из ближайших сел и деревень. К нему приезжали ведущие литераторы и артисты того времени. После революции все было уничтожено - цитадель «опиума для народа» была превращена в прах и пепел. А что дальше? Загляните сегодня в это село, некогда слывшее ведущим по уровню культуры и образования в Гафурийском районе. Много лет на правах беднейшей родственницы влачит существование начальная школа, директором которой является одна из внучек все того же Хатип-хазрета.

Пора гласности заставляет по-новому взглянуть на наше прошлое, на особенности политической и духовной сфер жизни, равно как и на просветительскую. Скоропалительное, беспощадное искоренение религии с разрушением и выжиганием мечетей, ссылками и расстрелами духовных лиц нанесло огромный вред всей духовной жизни народа, свело на нет многие его исторические традиции и обычаи, культ старших. Пусть правильно поймут меня воинствующие атеисты, но сейчас их беспощадные проповеди по изничтожению всего божественного, может быть, совершенно людям и не нужны. И без того из душ наших современников начисто выкорчеваны всякие понятия о святынях и священных идеалах. Когда я слышу, что в иных башкирских деревнях дети избивают своих родителей, женщины пьют не меньше мужчин, кто-то повесился, а кто-то устроил дома притон; когда узнаю, что образованный человек со званием безнаказанно убивает свою жену, но выходит сухим из воды благодаря своим влиятельным друзьям, я невольно вспоминаю о том идеале, который проповедуется в произведениях нашего фольклора. Имя ему - Совесть. Культ природы. Именно этот идеал, который можно было назвать стихийным пантеизмом, светит нам сейчас издалека, из глубин языческой поры, как отблеск давно погасшей звезды. Как нам его сегодня не хватает, этого чувства природной святости! Сейчас, в пору варварского уничтожения того, что нас создало, выпестовало, дало ум, душу, язык!..

Да, Мухаметша Бурангулов работал муллой. Но только лишь потому, что эта «должность» тесно сочеталась с самым высоким для того времени понятием - Учитель. Мугалим. У него была страсть к учительству, просвещенчеству. Эта самая страсть жгла изнутри Мифтахетдина Акмуллу, Мухаметсалима Уметбаева, Шайхзаду Бабича, Даута Юлтыя. «БАШКОРТТАРЫМ, УКЫУ КӘРӘК, УКЫУ КӘРӘК!» - восклицал Акмулла, обращаясь к темным и забитым своим сородичам, лишенным всякой возможности учить своих детей. «Мои башкиры, надобно учиться...» Именно

таким просветителям, как Акмулла, и таким, как Мухаметша Бурангулов, обязаны те, не очень многочисленные счастливики, которые в условиях жесточайшего гнета имели возможность стать грамотными.

Сейчас у нас повсюду школы, множество учителей. Но чрезвычайно мало просветителей, для которых сеять доброе, вечное - долг совести и всей жизни. Когда я вижу вчерашних деревенских ребят и девушек, которые, попав в городские условия, моментально обретают самые худшие стороны «цивильной» жизни - дурную моду, развязность поведения, беспардонность обращения с людьми значительно старше себя, отнюдь не обрезая при этом истинной духовности и мало-мальской интеллигентности, мне делается больно и горько. Выходит, эти молодые люди просто-напросто не видели в жизни истинного учителя, никогда не подпадали под влияние его просвещенной личности...

Мухаметша Бурангулов всей своей судьбой и неугомонной жизнью доказал, что такое для человека высший идеал. Он более чем осознанно собирал памятники народной культуры - сказы и сказания, предания и легенды, песни и кубаиры, ибо в них - дух и история народа, его вековая борьба за свою свободу, бесчисленные жертвы, плачи, боль... Там, где терялись связи между каноническими текстами фольклорных произведений, он старался делать увязки собственной рукой, несколько наивно полагая, что он залатывает прорехи народного творчества. В его время еще не было твердо установленных фольклорных законов, запрещающих хотя бы одним нечаянным штрихом вторгаться в заповедные пределы народной фантазии.

Мухаметша Бурангулов, более чем кто-либо другой, утвердил культ народной судьбы и совести.

Если вы помните, на заседании правления Союза писателей Мухаметшу Бурангулова обвиняли в валидовщине, этом неизменном идеологическом пугале, смердящем от времени жупеле, десятки лет беспроблемно работавшем на любителей навешивать ярлыки и расправляться с

неудобными. Действительно, сохранилась фотография, на которой М. Бурангулов снят вместе с Заки Валидовым, возглавлявшим башкирское национальное движение во время гражданской войны. Но как, по какому поводу, никто объяснить не может. В том числе - наследники Мухаметши Абдрахмановича. Известно одно: в никаком валидовском руководстве он не состоял.

Однако, прежде чем коснуться этой страницы жизни Бурангулова, следует хотя бы вскользь дать оценку личности самого Заки Валидова и возглавляемому им движению.

Радетели политической стерильности никогда не понимали и до сих пор не понимают, не хотят понять всю неоднозначность, сложность башкирского национального движения, которое возглавлялось Валидовым и его единомышленниками. Не понимали и не понимают его сути, программы лидеров этого движения, обстоятельств, при которых им приходилось действовать и существовать.

Говоря о З. Валиди, стараются непременно увязать всю его деятельность с отдельными моментами его действий, которые по воле самой политической обстановки, сложившейся на юге Башкирии, были враждебны Советской власти. Но законы истории требуют рассмотрения сущности линии поведения исторического деятеля в тот или иной отрезок времени, согласуй его с положением дел вообще, с конкретно сложившейся обстановкой. Вот почему линию поведения Валидова невозможно рассматривать «вообще», вне таких отрезков и конкретных ситуаций, которые менялись с калейдоскопической быстротой, заставляя лидеров народного движения делать окончательный выбор.

Нельзя забывать о том, что молодые предводители башкирского движения с самого начала ратовали за автономию Башкирии, ее веками угнетаемого, лишенного своей государственности народа. Еще до Октябрьского переворота члены Башкирского Шуро, избравшие своим

боевым штабом Караван-Сарай в городе Оренбурге, объявили о буржуазной автономии своей республики. Во главе Шуро стоял образованнейший человек своего времени Шариф Манатов. Заки Валиди был его заместителем. Главным пунктом программы Шуро объявило нейтралитет между Советами и контрреволюцией. Ш. Манатов в январе 1918 года отправляется в Петроград для утверждения в Советском правительстве башкирской автономии. Первый вопрос, который задает Шариф Ахметович Ленину при встрече с ним: его отношение к башкирскому движению. «В ответ на мое категорическое заявление о том, что есть люди, которые стараются представить башкирское движение, как движение, направленное против революции, - пишет в своих воспоминаниях Ш. Манатов, - Ленин очень серьезно сказал, что мы не считаем башкирское движение направленным против нас контрреволюционным движением...»

После того разговора Шариф Манатов переходит на работу в Наркомнац, где проявляет себя не только убежденным революционером-ленинцем, но и талантливым руководителем в сложнейшей области национальных отношений. Во главе башкирского движения становится вчерашний сельский учитель предмета истории Ахмет-Заки Валидов. В феврале 1918 года члены Башкирского областного Шуро подвергаются аресту Оренбургским мусульманским военно-революционным комитетом, действиями которого руководил татарский националист Гали Шамигулов. Но случилось непредвиденное: сразу после ареста башкирского правительства Оренбург внезапно захватывает атаман Дутов, который тут же освобождает арестованных членов Шуро, которые как бы автоматически становятся после, этого сторонниками белых.

Позднее серьезными учеными было доказано, что арест членов Шуро был крупной ошибкой, совершенно не отвечающей требованию времени. Именно он оттолкнул на первых порах башкирские массы от молодой Советской власти, возбудил в них крайнее недовольство. Срочно фор-

мировались воинские части, устремившиеся на защиту своих лидеров. Это дало неожиданные козыри в руки Заки Валидова, который распорядился формировать новые воинские единицы. Именно с этого момента берет начало истинно вооруженное национальное движение, которое приняло нарицательное название «валидовского», хотя в сложном конгломерате его Течения можно различить немало нюансов. Но это требует специального изучения и анализа, который давно уже назрел.

Так вот, в пору острейшего конфликта, вызванного арестом Башкирского Шуро, Бурангулов оказался одним из редких смельчаков, который обратился к башкирскому народу с письмом, в котором пытался дать оценку происшедшему событию и остудить разгоряченный пыл своих соплеменников. Письмо его носит название «Разъяснение собратьям-башкирам». Он отмечает самозванные действия членов Шуро и при этом приводит слова Гали Шамигулова и председателя Оренбургского Военно-Революционного комитета Самуила Моисеевича Цвиллинга. Первый из них, являвшийся комиссаром по делам национальностей, выразился так: «...никакие доносы и подстрекательства со стороны татар или кого-либо другого, как утверждают иные, не послужили поводом к аресту членов Башкирского правительства, никто не послужил причиной. Они арестованы за свои противодействия и контрреволюционность. Аресту подверг я их сам, и ответственность за это понесу исключительно сам...»

Как бы ни эффектно выразился сей национальный деятель, его поступок повлек на долгое время целую цепь непонимания, драм и кровавых трагедий.

Цвиллинг был еще более категоричен: «Их арест требовался всем ходом революции. Если в Башкирии возникнет контрреволюция, то все члены предпарламента Башкирии будут расстреляны. Восставшие башкирские деревни будут подвергнуты бомбардировке».

Вот какие brave и бескомпромиссные большевики стояли тогда во главе разных советских комитетов. Именно в их безапелляционных

заявлениях и действиях следует искать причины будущих метаний башкирских войск и «контрреволюционность» их предводителей.

Дорого стоило Мухаметше Абдрахмановичу «Разъяснительное письмо». Многие близкие друзья отвернулись от него, как от предателя, изменившего национальным интересам. С другой стороны, его всю жизнь преследовал ярлык «валидовца», который становился причиной каждой его новой тюремной «одиссеи». Отмыться от этого страшного для того времени клейма ему так до смерти и не удалось.

Что, может быть, Мухаметша Бурангулов и впрямь был человеком без страха и упрека, безгрешным и чистым, как ангел? Нет, разумеется! У него был сложный, порою капризный и даже амбициозный характер. Особенно в молодости. Он не очень-то ладил с коллегами по перу, и вообще, был человеком импульсивным, склонным к неожиданным, прямо-таки экстравагантным поступкам. К тому же, был достаточно самолюбив, чтобы признавать за ведущими деятелями башкирской литературы пальму первенства.

Я обращался к разным людям старшего поколения, знавшим Мухаметшу Бурангулова, и, к своему удивлению, слышал самые разные отзывы, порою диаметрально противоположные. Что ж, живой человек, к тому же, человек творчества, должен быть именно таким! В одном все они были единодушны: Мухаметша был незаурядной личностью, человеком, глубоко преданным своему делу, которое, прежде всего, сводилось к собиранию и популяризации башкирского фольклора. То, что ради этого он готов был идти на любые жертвы, можно видеть, хотя бы из такой небольшой детали, которую приводит в своей статье сын Бурангулова:

«Это случилось в двадцать шестом году. Однажды между отцом и матерью случился довольно шумный скандал. Оказалось, что он вновь собрался на несколько недель в близлежащие районы за фольклорной «данью». Для этого нужны были деньги, и он решил сплавить единственную

телку. Мать, конечно, противилась, но он был непреклонен, и мать должна была уступить. И вот отец отвел бедную телку на Мелеузовский базар и вырученные деньги использовал для фольклорной «экспедиции».

Добавлю: М. Бурангулов был не только фольклористом-собирателем, но и чутким литературоведом и искусствоведом, обладавшим хорошим эстетическим вкусом. Все это поставило его в один ряд с крупными деятелями литературы и искусства.

Мухаметша Абдрахманович прожил большую, сложную, в высшей степени драматическую и одухотворенную жизнь. Он умер в 1966 году в возрасте 78 лет. И о нем воистину можно сказать праведные слова: ОН СБЕРЕГ ПАМЯТЬ НАРОДНУЮ!

**13. Шафиков, Газим. Народный сэсэ [Текст] / Г. Шафиков
// Советская Башкирия. - 1988. - 23 декабря. - С.4.**

Эти строки пишутся за несколько дней до научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения народного сэсэна Башкирии Мухаметши Бурангулова. Ее организуют Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения. АН СССР и Союз писателей Башкирии. Когда читатель возьмет в руки этот номер «Советской Башкирии», будущая конференция уже станет днем вчерашним. Я ознакомился с некоторыми докладами, которые будут прочитаны. А их - 16! И каждый из них подробно рассматривает те или иные аспекты творчества крупнейшего фольклориста и драматурга. Вот названия только некоторых из докладов: «Драматургия Бурангулова», «Публицистика Бурангулова», «Вопросы этнографии башкир в творчестве Бурангулова», «Бурангулов и башкирская опера», «Бурангулов и башкирское сказковедение», «Образ Салавата Юлаева в творчестве Бурангулова»...

При знакомстве с докладами, подготовленными ведущими специалистами в области литературоведения и фольклора, меня поразила глубина и широта постановки названных проблем. А ставить серьезные проблемы невозможно без точки опоры, которой и является удивительно многогранное творчество Мухаметши Абдрахмановича. То, что творчество это доселе так или иначе замалчивалось, а если и изучалось, то в обстановке научной келейности, нанесло немалый, ущерб всей нашей фольклористике и литературоведению. Даже самые крупные наши ученые в этих областях, обильно пользуясь материалами М. Бурангулова, отнюдь не всегда считали необходимым на него ссылаться. Находились и такие, что допускали возможность присваивать или вырезать то, что оказывалось необходимым для работы. И, как правило, даже они оставались безнаказанными. Ну, а мертвые, как известно, обиды не имеют.

И все же, как бы то ни было, лед тронулся! Именно об этом говорят научная конференция и предстоящий торжественный, вечер памяти Бурангулова.

Будем откровенны: на сегодняшний день у нас не так уж много истинных фольклористов, глубоко постигших свою науку. Ушли из жизни доктора наук А. И. Харисов и А. Н. Киреев (Кирей Мэргэн), кандидаты филологических наук Марат Мингажетдинов и Мухтар Сагитов. Но нельзя не отметить тот отрадный факт, что подросло молодое поколение фольклористов, которым предстоит достойно продолжить дело старших товарищей. Юбилей Мухаметши Бурангулова привлеч всеобщее внимание, привел в Уфу гостей из других республик и городов. Будем надеяться, что научная конференция, посвященная памяти крупнейшего фольклориста, даст ощутимый толчок дальнейшему систематическому изучению всего творческого наследия юбиляра, методов его работы, станет стимулом для издания его оригинальных трудов.

Выход очерка автора этих строк о М. А. Бурангулове («Советская Башкирия» 26 октября 1988 г.) не прошел - бесследно. Было немало откликов. Нет необходимости называть имена всех тех, кто прислал свои письма, хотя не остановиться на некоторых из них тоже было бы несправедливым. Хочу лишь отметить: судьба деятелей культуры прошлого, их самобытные личности вызывают у наших людей живой интерес, волнуют своим драматизмом и трагическими моментами. И в этом, по-моему, нет ничего странного. Столько лет имена многих из них неоправданно замалчивались, а их деяния представлялись в искаженном виде. Не утверждаю, что кому-то хотелось растить поколение «иванов, родства не помнящих». Скорее всего, свое слово сказала сама застойная эпоха, когда один искусственный культ сменялся другим, малозначительные лица приобретали дутое первостепенное значение. А в подобной ситуации истинно талантливым, исполненным внутреннего достоинства людям всегда живется несладко, лучшие из них подвергаются травле и гонениям. Разве удивительно, что в таких условиях одна из уфимских улиц носила имя руководителя писательской организации, который себя ничем, кроме пасквилей на другие, не прославил?

«Почему нет полных и неприукрашенных биографий наших ведущих деятелей литературы и искусства? - вопрошает в своем письме уфимец Файл Тикеев. - Таких, например, как Рашит Нигмати, Макарим Магадеев? В чём конкретно обвиняют Шайхзаду Бабича?..

Таких писем приходит немало. Прежде всего - от молодых, которых в прошлые годы лишали возможности знать все о своих воинах-героях, военных полководцах, видных деятелях литературы, театра, музыки.

Но если в возникновении подобных вопросов нет ничего удивительного, то неприятие и даже ярость кое - кого в отношении реабилитированных деятелей вызывает, мягко говоря, недоумение. Вот такой «Яростный» оппонент нашелся и у Мухаметши Бурангулова. По некоторым со-

ображениям фамилию этого человека называть не буду. В своем письме, направленном в самые высокие инстанции республики и страны, он договорился до того, что назвал Бурангулова «платным агентом ЧК с... 1918 года»! Оказывается, именно по его, Бурангулова, наущению прибывший в Уфу в 1937 году главный сподручный Сталина Жданов приказал арестовать и затем расстрелять руководство Башкирского обкома партии и Совнаркома. Не будь рядовой фигуры учителя башкирского языка и литературы, преданного собирателя фольклора, жили бы и процветали незабвенные Быков, Исанчурин, Булашов и другие деятели... Словом, утверждение «оппонента» настолько абсурдно, что и опровергать - то его нет надобности.

Бывший редактор газеты «Совет Башкортостаны» Касим-агай Азнабаев, сидевший в одно время и в одной камере с Бурангуловым, пишет: «Я знаю Бурангулова как писателя и фольклориста. Для него существовало одно жизненное кредо: работа, работа! И это - не просто красивые слова. Это - факт, который подтверждается всей его жизнью».

А вот письмо пенсионерки Расихи Галиаскаровны Тугановой.

«С большим удовлетворением прочитала ваш очерк. Это большая радость для меня. Я бывшая ученица этого талантливого писателя и замечательного педагога. В 1936 - 37 годах он был учителем башкирского языка и литературы и одновременно завучем в Альшеевской неполной средней башкирской школе. Мне он запомнился не только как хороший учитель, но и как чуткий добрый и очень эрудированный человек. Уделял нам много внимания и во внеурочное время: проводил беседы на разные темы, знакомил с произведениями писателей, которые не входили в школьную программу. Он рассказывал также, как идет работа по созданию нового башкирского алфавита. Читали мы и его собственные произведения. Мне посчастливилось в 1933 году видеть на сцене теперешнего театра оперы и балета спектакль «Башкирская свадьба»

(тогда мне было 11 лет). Но до сих пор не могу забыть этот сказочно красивый и содержательный спектакль. Во время войны видела я также постановку «Идукай и Мурадым» на той же сцене. Эти пьесы потом были сняты с репертуара, а так жаль! Ведь здесь можно было видеть обычаи и традиции, песий и танцы башкир...».

В письме Алии Мухаметовны Евдокимовой привлекают мысли, касающиеся жизни и творчества таких людей, как Хадия Давлетшина и Мухаметша Бурангулов. «Разве можно осуждать человека, собирающего произведения фольклора? - несколько неожиданно и, я бы сказал, с благородной наивинкой пишет Алия Мухаметовна. - Писателям той поры была присуща почти фанатическая преданность своему делу, желание верой и правдой служить своему народу, его культуре. Им был чужд холодный расчет, карьеристские и материальные соображения.

Много ли у нас сейчас истинных личностей среди деятелей литературы и искусства? А. тогда что ни имя, то явление. Скажешь: Даут Юлтый, и возникает мир его личности и творчества. То же самое - Газиз Альмухаметов, Мухаметша Бурангулов... Имена эти для меня - как светящиеся звезды. Что говорил Луначарский?

- «Давайте будем поднимать таланты, а бездари поднимутся сами». При Сталине, да и значительно позднее таланты не поднимали, а гноили. Почему? Потому что суд над ними творили те самые бездари, которые поднялись сами. По-моему, писатель, чье имя забывается сразу же вместе с его физической смертью, никак не может называться писателем. А сколько их, таких, сегодня? Мухаметша Бурангулов остался в памяти как человек, безмерно обогативший, родную культуру, и значит, - свой народ. Он сохранил для народа его историю, его поэтическую память. Так дождемся ли мы того времени, когда сможем ознакомиться с его творчеством? Познать все то, что он сделал для башкирского народа?...»

Так заканчивает свое неординарное, умное письмо Алия Мухаметовна. Со своей стороны хочу сказать: научная конференция, торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Мухаметши Бурангулова, многочисленные газетные и журнальные публикации, радио и телепередачи о нем - и есть конкретные шаги в этом направлении.

Как раз сегодня во Дворце культуры нефтяников состоится торжественный вечер, посвященный памяти Мухаметши Бурангулова 100-летию со дня его рождения. Он заслужил это всей своей жизнью!

Душа народная хранит

*«Лучшие годы моей жизни прошли в
Мелеузовском районе. Мне понравился
посёлок Мелеуз, его люди, прекрасная
природа. В этих краях я работал
вдохновенно над своими произведениями».*

М. А. Бурангулов

**14. Абдрахимов, Т. Он собирал сокровища духа [Текст] / Т. Абдрахимов
// Путь Октября. - 1998. - 23 декабря. - С. 3.**

15 декабря творческой группой коллективов ЦТДЮ и детской библиотеки был проведен удивительно теплый и светлый вечер, посвященный памяти великого сына башкирского народа - народного сэсэна Башкортостана Мухаметши Абдрахмановича Бурангулова.

Мухаметша Бурангулов родился ровно 110 лет назад в деревне Верхне-Ильясово (нынешнего Красногвардейского района Оренбургской области) в семье крестьянина-середняка. В 9 лет остался без отца, а в 12 - лишился матери. Физически крепкий, одаренный и целеустремленный юноша получает неплохое по тем временам образование, заканчивает медресе в Каргалах, а в 1911 году - знаменитое медресе Оренбурга «Хусаиния». Помимо духовного он получает и светское образование на литературном отделении Уфимского педагогического института, затем работает научным сотрудником института истории, языка и литературы.

Но только талант и образование не в состоянии сделать своего обладателя великим, для этого надо иметь сердце, пылающее великой любовью к человеку, к своему народу. С самого раннего юношества М. Бурангулов не только пробует перо, но до самозабвения занимается поиском

сокровищ народного духа - пословиц, поговорок, легенд, преданий и эпоса родного народа. Это он сохранил не только для башкирского народа, но и для всего человечества такие выдающиеся памятники устного народного творчества, как «Урал батыр», «Акбузат», «Идукай и Мурадым», «Алпамыша». В этом смысле имя Бурангулова сравнимо с именами таких выдающихся фольклористов, как собиратель русских народных сказок А. Н. Афанасьев, создатель замечательного карело-финского эпоса «Кале вала» Элиас Леннорт, киргизский манасчи Сагымбай Оразбаков.

С 1924 по 1938 годы М. Бурангулов живет на мелеузовской земле, из них 8 лет - в деревне Тюляково, а затем переносит свой дом в село Мелеуз по адресу: ул. Смоленская, 2. Его дом стоит на своем месте и сегодня. Семья Бурангуловых жила в стесненных условиях, а фольклорные «походы» хозяина всегда требовали расходов. Как вспоминает его сын Нажип, в 1926 году, несмотря на возражения жены, Мухаметша агай продает единственную телку на мелеузовском базаре и отправляется собирать фольклорную «дань» в самые отдаленные уголки Башкортостана. К счастью, в семье понимали, что за личность живет вместе с ними и всячески поддерживали его титанические усилия.

Совсем другая ситуация сложилась в обкоме ВКП (б) и писательской организации республики. На него повесили самый расхожий и самый вернопоражающий ярлык - националиста на расширенном заседании правления Союза писателей Башкирии, которое состоялось 26 октября 1946 года, сняли с него почетное звание народного сэсэна и исключили из рядов Союза писателей СССР. Он становится одним из «стрелочников» печально известного постановления ВКП (б) того года, когда были ошельмованы замечательные писатели Михаил Зощенко и Анна Ахматова. Трудно поверить, но М. Бурангулов был четыре раза арестован, посажен в тюрьму и в общей сложности просидел за решеткой более десяти лет. А те, кто критиковал его пьесы, охаивал как антинародные его фольклорные

произведения, бессовестным образом пользовались богатейшим фольклорным материалом народного сэсэна, чтобы защитить диссертации и выпустить книги.

Только после обращения с письмом лично к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву 30 октября 1959 года решением Верховного Суда Башкирской АССР он был оправдан в связи с отсутствием состава преступления. Вот что пишет М. А. Бурангулов к тогдашнему первому секретарю обкома КПСС З. Н. Нуриеву: «По решению суда мне вернули звание члена Союза писателей и народного сэсэна Башкирии. Что мне теперь остается? Несмотря на свои 72 года, я пока чувствую себя неплохо, а потому оставшиеся лета хочется отдать работе во имя своего родного народа, которому всегда старался служить. Но те, кто меня ненавидят, желают заживо похоронить и меня, и мое творчество, оторвать меня от моего народа, вырвали квартиру и теперь я живу в невыносимых условиях. Тем не менее, я продолжаю трудиться».

А теперь вернемся к началу нашей статьи и пройдемся по светлым и просторным залам ЦТДЮ, где идет вечер памяти Мухаметши Бурангулова. В честь поклонника и собирателя сокровищ народного творчества организована выставка работ членов многочисленных кружков Центра творчества. Богатая палитра красок, изящество форм и глубина замысла сочетаются с высоким уровнем профессионального исполнения. На нескольких стендах выставлены лучшие образцы из кружков «Модельер-закройщик» (Г. Г.

Гайнутдинова), «Макраме» (О. И. Григорьева), «Вязание» (Н.А. Полторыхина.), «Юная швея» (В. И. Посашкова), «Мастерицы» (Р. А. Чельшева), «Роспись по дереву» (Н. Г. Янтурина).

А в актовом зале юные дарования из театра юного зрителя, руководимого Г. М. Аскаровой, мастерски исполняют отрывок из пьесы М. Бурангулова

Сцена из пьесы «Башкирская свадьба».

«Таштугай». Библиотекарь детской библиотеки З. З. Муталапова проводит с полным залом зрителей увлекательную викторину по творчеству народного сэсэна и его биографии. Сразу отметим, что главный приз - фотоальбом - достался ученику 9-го класса башкирской школы-

гимназии №9 Ильнуру Салихову, Также получили призы З. Ишкулова, Р. Абдуллова, Р. Исикаева, Э. Бикбердина из школы-гимназии №9.

С большим мастерством и проникновенно исполнила Ф. Сахаутдинова башкирские народные песни «Ашкадар» и «Шаура», записанные М. Бурангуловым, а Т. Нуриев, загримированный как народный сэсэна, спел под аккомпанемент домбры его кубаир. Аплодисментов заслужили также ансамбль кураистов С. Кузяшева и танцевальный коллектив «Лэйсан» под руководством М. Башировой. Набирает силу фольклорный театр «Майдан» Т. Мингажевой - они показали отрывок из пьесы М. Бурангулова «Башкирская свадьба».

С добрыми словами напутствия к собравшимся выступили лично знавшие сэсэна писатели С. Имангулов и З. Рафиков. Сокровища народного духа, собранные М. Бурангуловым в течение жизни, служат и будут служить всегда как башкирскому народу, так и народам России и всего мира.

15. Имангулов, Сулпан. Светлые воспоминания о Мухаметше Бурангулове [Текст]: К 105-летию народного сэсэна / С. Имангулов

// Путь Октября. - 1993. - 19 октября. - С. 2.

По утверждениям ученых-исследователей бескрайних просторов Вселенной, ряд ярких звезд, погаснув, исчезли более тысячелетий тому назад, однако их свет продолжает поступать на землю, в непроглядную ночь указывать дорогу путникам, возвращать веру к жизни, вдохновлять к победам, звать к светлым вершинам, помогать преодолеть крутые перевалы жизни. Вот также и сказы, четко выразившие думы и чаяния, мечту, святой и чистый дух народа, передаваемых из поколения в поколение, призывавшие к борьбе за счастье и свободу. Многие из них давно ушли в мир иной, у некоторых неизвестны имена, родина, места проживания, однако посеянные ими лучи просвещения продолжают поступать и нам из глубин веков.

Вьюжные зимние вечера 1944 года. На улице свистит жгучий ветер, клубится снег. Улицы деревни занесены сугробом. А мы, мальчишки, каждый день обиваем порог, вернувшегося с фронта тяжело раненого Исхак агая. В маленькой комнатке пятистенного дома, окружив тусклый светильник, слушаем «Эпосы о батырах». Эту книжку носил с собой в огне и пламени фронтовик, на груди которого сияет медаль «За Отвагу». Не замечаем голода, нехватки одежды. Всякий из нас диву дается подвигам Карасакала, закандаленных, но не покоренных Салавата и его отца Юлая,

Бывший стрелок станкового пулемета Исхак агай с удовольствием слушает эпосы и заводит речь:

- Эту, пропитанную горьким потом, кровью и дымом книгу я нашел в патронном ящике пулемета. Видимо, она прошла огонь и воду с бывшим погибшим расчетом. Как утихают перестрелки, закусив и осмотрев пулемет, хватаемся за нее. Крепче сжимаются кулаки, глаза искрятся ненавистью к врагу, фашисты, как бешеные собаки, продолжают наступать. Командир батальона приказал: «Подразделение отступает, вы с пулеметным расчетом остаетесь в засаде».

Наши не успели отойти, появились гитлеровцы, мы открыли огонь. Бой шел долго. Вдруг показался немецкий танк. Перед нами взорвался снаряд. Когда мы очнулись, оба были ранены, не осталось ни единого патрона, и засунув эту книгу за пазуху, поползли в глубь леса. Этот сборник в госпитале чуть не каждый день прочитывали. И привез целехоньким.

...Не приходилось мне опять встретить эту книгу ставшей неразлучной спутницей в детстве. Её не оказалось ни в библиотеке, ни в магазинах. Лишь спустя несколько лет узнал, что автор этого сборника - выдающийся писатель, народный сэсэн, крупный драматург Бурангулов. Шестидесятилетний Мухаметша Абдрахманович был репрессирован и сослан в суровую Сибирь, где гнул спину в невыносимых условиях на строительстве железной дороги Абакан - Тайшет под строжайшем конвоем, подорвал здоровье, скончался в возрасте семидесяти шести лет.

В дни, когда общественность Республики Башкортостан готовилась широко отмечать столетие со дня рождения Мухаметши Абдрахмановича Бурангулова, узнал: самые плодотворные годы своего творчества сэсэн провел в Туляково и Мелеузе, где написал свои замечательные произведения, как «Ялан Яркэй», «Шауэрэкэй», «Кара юрга», «Дочь муфтия Фатима», «Башкирская свадьба» и другие.

В целях устранения «белых пятен» и тщательного изучения периода жизни в нашем крае, установил связь со старшим сыном - Нажибом Мухаметшиевичем. Встретился с ним в Уфе, Сибее. Он, несмотря на преклонный возраст, решил приехать из Сибая в Мелеуз по горнолесистым дорогам Южного Урала.

На дворе стоял август. В один из прекрасных солнечных дней он прибыл в наш город. На перрон вышел среднего роста человек, с поседевшими волосами, морщинками на лице.

Поздоровавшись, пожав руку, взволнованно произнёс:

- Прибыл поискать светлые следы отца и своей молодости. Может, они не сохранились, ведь прошло более полувека.

Вышли с перрона, и, мирно беседуя, медленно направились к улице Смоленской. Гость внимательно рассматривал деревянные дома. Как прошли кафе, он с радостью воскликнул:

- Ба, это же наш дом! Отец его перевез из Туляково и поставил здесь. Полвека стоит и целехонький!

Долго глядел на дом с глубоким волнением сохранившем тепло рук его трудолюбивых родителей. Нажиб агай будто помолодел, а я пытался узнать причину переезда Бурангуловых из далекого Оренбуржья сюда.

...Верхне-Ильясово была расположена на широких степных просторах у реки Уран. Население ее занималось земледелием и животноводством.

15 декабря 1888 года в семье крестьянина-середняка появился на свет младенец, которого родители называли Мухаметша.

Однако не пришлось мальчику жить в зажиточной семье отца и матери. Когда ему исполнилось 12 лет, он стал круглым сиротой. Его воспитывали старшие братья Сахи, Давлетша, Бадри Бурангуловы. Учился в соседней деревне Юлдашево в земской школе.

В 1902 году способный мальчик успешно закончил школу и поступил в медресе, который находился в деревне Каргалы на берегу реки Сакмары. В этом учебном заведении он подружился со старательным шэкэрдом, т. е. студентом из Туляково Нуруллой Вахитовым, Это знакомство превратилось в крепкую дружбу, после женитьбы они дали друг- другу слово в будущем стать сватьями.

...Страшный голод 1921 года не обошел стороной и Верхне-Ильясово, причинил большие беды. От голода вымерли не только люди, но и скотина. На 90 хозяйств остались лишь 12 коров и 8 лошадей.

«Вокруг нашего села природа была бедной-пребедной, — вспоминает Нажиб агай, - не было даже кустика. Если на дороге из оси телеги выпадет чека, другую не найдешь. Люди жили бедно, свою долю земли сдавали в аренду или вынуждены были продать немецким помещикам. Отцу, занимавшемуся литературной деятельностью, нелегко было кормить семью. Он долго искал выхода из разрухи. Однажды поехал на хуторок, который находился в восемнадцати километрах от Верхне - Ильясово. Эта местность пришлась ему по душе, поэтому братья Бурангуловы решили переехать в этот живописный уголок, построили двенадцать домов. Наш отец завоевал авторитет и уважение, почтение у населения как хороший учитель, писатель и сэсэн. Он твердо знал, что в одиночку не выйти из тупика, поэтому организовал артель, и назвал «Буляк» («Подарок»).

Отец продолжал заниматься охотничеством и не забросил литературное творчество. Оренбургский театр поставил его пьесу «Ашкадар», отец получил хороший гонорар и на эти деньги купил дом и перевез в этот хуторок. К нему приезжали знакомые и незнакомые за советами, обращались за помощью. Общение с народом не проходило зря: он записывал интересные легенды, песни, сказки.

Однажды он узнал, что в одной из деревень, расположенных в полустах километрах, живет почтенный аксакал. Он, несмотря на преклонный возраст, хранил в своей памяти много песен, легенд, хорошо играл на курае. Отец запряг коня в сани, положил туда овечку и поехал к нему, почти неделю записывал у него бесценные произведения народного творчества и старику подарил овечку. Когда отец приехал, мама обиделось: «За какую-то сказку подарить овечку!».

Вот так он объехал весь родной край, я собирай фольклор, обрабатывал и одновременно трудился над новыми произведениями.

Словом, новая родина - «Буляк» - принесла литератору много подарков: жизнь улучшилась, больше стало возможностей для творчества и сбора фольклорных материалов. Слава о сэсэне распространилась далеко.

В один из прекрасных дней к нему прибыл свояк Давлетшин, Габбас агай - учитель из соседнего села Абдуллово. Вместе с ним приехали муж и жена - Губай Ахметгареевич, народный комиссар просвещения БАССР, и Хадия Лутфулловна Давлетшины. Хозяева хлебом-солью встретили молодых писателей, создали им благоприятные условия для творчества и отдыха. Давлетшины здесь провели один месяц. В дубровнике, на берегу ручья, они вели беседу о литературе, читали новые произведения сэсэна и обменивались мнениями. Полезные диспуты продолжались несколько часов, они даже забывали об обеде.

Губай агай и Хадия апай жили в юрте на берегу речки около живописного леса. Они с удовольствием отдыхали на природе, с желанием обедали, в летней кухне, где мастерски готовила башкирские блюда жена писателя Зайнаб апай.

Однажды во время завтрака Губай Давлетшин начал беседу.

- Мухаметша агай, у вас - райский уголок, каких только цветов и ягод нет, ароматный воздух, даже растут дыни и арбузы, словом, курортные места. Несмотря на это вам следует переехать в Башкортостан, здесь нет условий для опубликования ваших произведений, постановки пьес и спектаклей, даже нет театра.

Одним словом, народный комиссар просвещения убедил нашего отца»

Таким образом, летом двадцать четвертого семья Бурангуловых и его родные начинают жить на новом месте - в Туляково. Мухаметша агай учительствует, продолжает свое творчество. Бескорыстный, писатель вскоре и здесь нашел общий язык с людьми, стал уважаемым человеком. Среди бедноты вел разъяснительную беседу о правах,

которые дала Советская власть, просветительскую деятельность, рассказывал о преимуществах коллективного хозяйства.

В тридцатые годы произведения Мухаметши Бурангулова с большим успехом шли во многих театрах республики. В 1927 году одна труппа Башкирского драматического театра приехала на летние гастроли в центр волости - Мелеуз. «Башкирская свадьба» и здесь шла с успехом, смотреть ее приезжали на подводах не только молодежь, но и старики. Гостеприимный Мухаметша агай, воспользовавшись отдыхом коллектива театра, на нескольких подводах привез артистов в деревню, где их туляковцы угощали два дня. Такие знаменитые артисты, как Тансылу Рашитова, Бадар Юсупова, Амин Зубаиров, Галимьян Карамышев, композитор Хабибулла Ибрагимов с желанием встречались с жителями, отвечали на их многочисленные вопросы.

Спектакли шли три дня, зрители аплодисментами встретили автора и подарили ему букет живых цветов. Словом, их приезд стал незабываемым событием в культурной жизни этого села.

Работа в школе, активное участие в общественной жизни, собирание жемчужин народного творчества отнимали много времени, но талантливый писатель продолжает упорно трудиться над новыми произведениями. В Туляково он создал комедию «Прокурор», где сатирическими приемами осмеял взяточничество. Писатель прочитал новую пьесу в кругу семьи, она понравилась сыновьям Нажибу и Зуфару, дочери Наккар, они решили поставить спектакль. В нем участвовали деревенские парни Нурулла и Зиннат Камбулатовы, Мажит и Мунир Бурангуловы.

И здесь Мумаметша Бурангулов слыл не только опытным педагогом, старательным фольклористом, активным деятелем, но и знаменитым писателем. Вот почему ему предлагают переехать в райцентр и преподавать в семилетней школе, башкирский язык и литературу. Безусловно, переезд из Туляково, которая стала второй родиной, особенно разлука с его

трудолюбивыми, склонными к песням людьми была нелегкой. Поэтому он не перевез семью, ежедневно пешком ходил в школу. Тогда, как сейчас, не ходили автобусы, особенно трудно было в весеннюю распутицу и в зимние холода, на дорогу шло много времени, которое он ценил как золото. При коллективной помощи дом был перевезен и построен на пустыре в Мелеузе. Вскоре Бурангуловы стали жителями нового райцентра. И на новом месте писатель, засучив рукава, принялся за творчество, был признан не только выдающимся литератором, но и лектором.

...После полувековой разлуки туляковцы узнали Нажиб агая, везде его встречали радушно. Друг писателя, 92-летний Хабибулла Юркаев и его супруга Фарида инэй, Хусниямал апай Камбулатова и другие долго беседовали с ним и вспоминали далекие тридцатые годы.

А на другой день Нажиб Бурангулов выступил по местному радио, опубликовал свои воспоминания в газете «Путь Октября», встретился с руководителями города.

С тех пор прошло пять лет. Одна из улиц названа именем писателя. Будет установлена мемориальная доска на доме, где жил и работал сэсэн, и в Туляково. Конечно, это лишь начало большого дела. Было бы хорошо организовать ежегодные конкурсы (байгэ) сэсэнов, певцов по собранным материалам писателя, учредить приз его имени, постановку спектаклей театрами республики.

16. Мухаматша Бурангулов в Мелеузовском районе [Текст] // Земля мелеузовская: былое, будни, будущее. Историко-информационный сборник. - Уфа: башкирское издательство «Китап», 2000. - С. 60 - 61.

Человек, посвятивший десятки лет своей жизни сбору и обработке башкирского фольклора, создавший очень много собственных выдающихся произведений, Мухаметша Бурангулов (1888 -1966 гг.) с 1924 по 1932 год жил в деревне Туляково и поселке Мелеуз Мелеузовского района. Кроме

знаменитых эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат», он именно в это время записал кубаиры «Карасакал», «Батырша», «Салават и Юлай», «Идеукай и

Мурадым», «Хромой саврасый», «Бурый бык», «Черный иноходец», песни «Буранбай», «Салимакай», «Таштугай», «Гильмияза», «Ашкадар» и еще много других песен и легенд об их происхождении.

В тулякский период жизни Мухаметшой Бурангуловым созданы пьесы «Башкирская свадьба», «Черный иноходец», «Шауракай» (второй вариант) «Дочь муфтия Фатима», «Иракская борьба», «Скрытые лица», «Шайка

абзалиловцев», «Прокурор» и другие драматические произведения. Они ставились на сценах разных театров. Особой популярностью пользовались «Ашкадар» и «Башкирская свадьба».

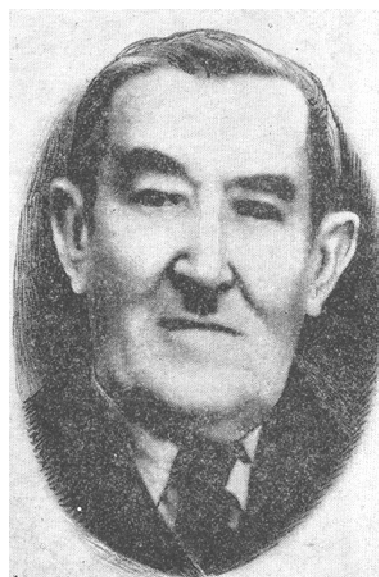
Всю эту гигантскую работу Мухаметша Бурангулов проделал в свободное от основной работы - обучения детей в школе - время. Кроме всего прочего, он занимался и активной общественной деятельностью. Направлял на работу группы бедняков, руководил организацией сельскохозяйственной артели. Часто проводил с селянами беседы о положении внутри страны и на международной арене.

Казалось бы, что за все это официальные власти должны были высоко оценить труды Мухаметши Бурангулова и воздать ему заслуженную славу. Но это случилось лишь один раз в его жизни. В 1944 году Указом Верховного Совета республики великому фольклористу и импровизатору было присвоено почетное звание «Народный сэсэн Башкирской АССР». А на самом деле большая часть жизни подлинного сына народа прошла в изгнании и в течении 6 лет в камерах советских тюрем якобы за буржуазный национализм и враждебное отношение к существующему строю.

Мухаметши Бурангулова уже давно нет среди живых. Но все честные люди, в том числе мелеузовцы бережно хранят память о Народном сэсэне Башкортостана, благодаря самоотверженным усилиям и огромному труду которого нынешние поколения башкир могут с гордостью и восхищением приобщиться к великим духовным ценностям, созданным своими предками. Одна из улиц города Мелеуза названа его именем. Носит имя сэсэна также башкирский филиал Центральной городской библиотеки. В школах района и города организуются чтения произведений писателя и их обсуждения.

**17. Халитов, Г. Народный сэсэн [Текст]: к 105 - летию со дня рождения Мухаметши Бурангулова / Г. Халитов, член Союза журналистов Республики Башкортостан
// Путь Октября. - 1993. - 28 сентября. - С. 2.**

Башкирский народный сэсэн
Мухаметша Бурангулов прожил в Мелеузовском районе 14 лет (с 1924 по 1938 год). Здесь он оставил заметный след. К сожалению, его трудовая деятельность на земле мелеузовской не изучена и не описана, так как многие годы ему не уделяли внимания в своих устных и письменных выступлениях даже люди, с ним вместе работавшие. В годы идеологического тоталитаризма руководители Башкирского обкома партии и Союза писателей Башкирии запрещали писать о Бурангулове. Наступили другие времена. Теперь о его творчестве написаны очерки, статьи, воспоминания. Я не ставлю перед собой задачу описать весь его творческий путь. По возможности расскажу о времени его пребывания в Мелеузовском районе.

Тем более, что у нас осталось всего три человека, знавших М. Бурангулова. Жители деревни Туляково Хабибулла Абубакирович Юркаев, его жена Фариза Давлетишевна и учительница-пенсионерка Маги Мухаметовна Ахметшина, проживающая в Мелеузе. Мне удалось встретиться с ними и услышать их воспоминания о народном сзэне.

Хабибулле Юркаеву сейчас 93 года. Он родился в Туляково, на земле юрматинцев. До 1934 года работая в колхозе, был крестьянином. С 1934 по 1938 годы - председателем Старо-Мусинского сельского Совета, с 1939 по 1960 годы - продавцом в магазине в родной деревне. Участник гражданской войны, а годы Великой Отечественной находился в трудовой армии, работал на военном заводе. Вот что он рассказал:

- Мухаматша со своей семьей и родственниками (их было 6 семей) приехали в нашу деревню летом 1924 года из Оренбургской области. Местность им понравилась. Кругом просторная земля. Рядом протекает река Агидель (тогда по реке ходили пассажирские и грузовые пароходы). Все новоселы построили дома, обзавелись хозяйством. Мухаматша имел корову, овец, развели гусей, уток, кур. По своей инициативе он открыл начальную школу (тогда детей обучали арабскому алфавиту, потом - латинскому). Отдельные родители не пускали ребят в школу. Мухаматша ходил по домам, уговаривал, убеждал их в необходимости учения. Благодаря своей инициативе он добился стопроцентного охвата детей начальным обучением. Потом открыл ликбез для взрослых. Жизнь в деревне оживилась.

В 1931 году началась коллективизация. Одним из первых вступил в колхоз Мухаматша. В то время следовало сдавать коров в колхоз. Он тоже так поступил. Но крестьянину без коровы - кормильцы нет жизни и Бурангулов, доказывая районным руководителям, что это незаконно, забрал свою корову назад. Его примеру последовали и остальные сельчане. Люди видели, что он справедливый человек, что можно опереться на него в трудную минуту. К нему часто обращались с различными житейскими

вопросами - кому заявление написать, кому что-то посоветовать, о чем-то походатайствовать. Он делал все это бескорыстно.

Бурангулов частенько заходил в сельсовет, дедал рекомендации как организовать в деревне культурно-массовую работу среди сельчан, особенно много говорил он о необходимости любить свой башкирский язык, не забывать обычаи, привычки, традиции своих отцов, дедов, предков. Был и такой случай - через реку Агидель не было моста, переправлялись на пароме. А паром принадлежал богачам, за переправу люди вынуждены были платить им, и деньги оседали в карманах владельцев парома. Бурангулов смело вступил в борьбу против хозяев парома, утверждая, что все деньги, уплаченные за переправу, должны поступить, в казну сельского Совета и использованы для нужд населения, для улучшения их жизни и быта. И он этого добился.

Мухаматша купил коня и тарантас. В выходные дни, летние каникулы ездил в башкирские, татарские деревни Мелеузовского и соседних районов, встречался с людьми, слушал и записывал их песни, частушки, кубаиры.

Через некоторое время Бурангулов переехал в Мелеуз, перевез свой дом и поставил на улице Смоленской. Он работал учителем в Мелеузовской татаро-башкирской школе. Часто приходил в Туляково. Здесь жили его родственники. Летние каникулы дети Мухаматши проводили в деревне, так как его семью жители любили. У меня о нем остались самые добрые воспоминания. Я сдружился с ним. Часто и он бывал в нашем доме.

Рассказывает жена Хабибуллы - Фариза Давлетшиевна, 1903 года рождения. Скоро ей исполнится 90 лет, но несмотря на преклонный возраст, у неё еще хорошая память.

- Мухаматшу-агая в нашей деревне уважали. У него были сыновья Нажиб, Зуфар, дочь Наккар, жену звали Зайнаб. Бурангулов был очень трудолюбивым.

Всю работу в хозяйстве выполнял сам. Я подружилась с его женой. Ходили друг к другу в гости, по утрам вместо скот гоняли в поле, на пастбище. Зайнаб-апай была доброй, отзывчивой. Бурангуловы имели сепаратор, который на летнее время устанавливали в аласыке. Почти, все женщины деревни ходили сюда пропускать молоко, при этом они пытались расплатиться с Зайнаб сливками, но она отказывалась брать от людей плату. «У нас своих хватает», - говорила.

Вспоминаю такой случай. Один мужчина в деревне пьянствовал, скандалил с женой. Об этом узнал Мухаматша-агай, пришел к ним, долго разговаривал с этим мужчиной, убеждал его. Подействовало. Человек перестал пить, и стал дружно жить с женой.

Зайнаб-апай пекла вкусный хлеб. Женщины ходили к ней, просили научить их этому. И она никогда никому не отказывала.

Их старший сын Нажиб хорошо играл на тальянке. Бывало, летним вечером выйдет он на улицу, сядет возле дома и заиграет на гармонии. Собирались вокруг послушать игру удалого гармониста и молодые, и пожилые.

О том, как он любил играть на тальянке, пишет сам Нажиб. Приведем выдержки из его воспоминаний «Встречи», опубликованных в журнале «Агидель» № 11 за 1988 год:

«В Мелеузовском районе с давних времен сохранилась добрая традиция. В последние весенние дни молодежь организованно ходила на игры в горы. Собирались юноши и девушки из ближних деревень. Гармонист в то время был уважаемым человеком, потому что в те далекие годы редко у кого имелась гармошка.

Сами встречи проходили на горе Кунгак, неподалеку от деревни Туляково. Из соседних деревень и из Мелеуза молодые и даже пожилые люди, красиво одетые, с подарками собирались на горы. Приходили сюда гармонисты, кураисты. Они были в центре внимания праздника. Играли

вдохновенно, старались показать свои способности. Пели песни, плясали. И я от всей души играл на тальянке любимые мелодии. Победителям на состязании вручали подарки».

В воспоминаниях «О своем отце», опубликованных в журнале «Агидель» №9 за 1988 год, Нажиб Бурангулов пишет:

«Мой отец всей душой и сердцем был предан народному творчеству. В 1926 году в нашей семье произошел такой случай. Как-то между отцом и матерью состоялся серьезный разговор. Оказывается, отец на несколько недель хочет поехать в районы Башкортостана для сбора и изучения народного творчества, но на дорогу не было денег. Он решил продать телка (башмак). Как бы трудно, грустно не было, мать согласилась на это. Отец продал башмака на мелеузовском базаре и на вырученные деньги поехал по районам. Он был фанатиком в своей творческой работе».

Рассказывает Маги Мухаметовна Ахметшина, 1920 года рождения, ветеран-педагог, живет в городе Мелеузе:

- Я родилась, выросла, училась в Мелеузе. Потом окончила Стерлитамакский медтехникум, затем - учительский институт, вернулась в родной город, работала педагогом. В тридцатые годы, там, где сейчас универмаг, находилась татаро-башкирская школа. Затем школа стала средней. Дополнительно выделили помещение по улице Каранской, где в настоящее время расположена церковь. Я тогда училась в этой школе. Приехал к нам педагогом Мухаматша Бурангулов, преподавал башкарский язык и литературу. С первых дней мы полюбили своего мугалима. Его первое слово, обращенное к нам, было: «Дети, любите свой родной материнский язык, знайте его в совершенстве». И на протяжении многих лет он учил нас, воспитывал в любви к родному языку, рассказывал о богатстве башкирского языка. В моей памяти он остался мудрым, большим человеком. Если на уроках других преподавателей дети озорничали, то на уроке Мухаматши-агая стояла тишина, все учащиеся были прикованы

вниманием к его рассказам. Говорил он образным, простым языком. В своих рассказах приводил такмаки, частушки, кубаиры.

В Мелеузе работал татаро-башкирский клуб. На общественных началах руководил им учитель Абдулла Гелиевич Рахматуллин. Режиссером был Мухаматша-агай. Ставили здесь его пьесы «Ашкадар», «Шауракай». Татары, башкиры, чувашаи Мелеуза с большим желанием посещали спектакли.

Остался в памяти такой случай. Мухаматша-агай съездил в Уфу, договорился с руководителями Башкирского государственного театра, чтобы артисты приехали в Мелеуз. И они приехали, поставили пьесу Бурангулова «Башкирская свадьба». Спектакль прошел с большим успехом. Автора пьесы пригласили на сцену, долго и дружно аплодировали ему и вручили цветы. До этого в Мелеузе профессиональные артисты не бывали. Мухаматша-агай рассказывал нам в литературном кружке о том, как написал пьесу «Ашкадар». В 1915 году в журнале «Шура» печатается знаменитая башкирская песня-легенда «Ашкадар». Тогда еще эта песня была широко распространена среди башкирского населения. Знаменитый Гумер Ахун рассказал, что человек по имени Тимергали сообщил ему о легенде Ашкадара. Об этом узнал Мухаматша Бурангулов и решил на основе легенды написать пьесу. Потом для того, чтобы дополнить свою пьесу новыми фактами, он путешествовал по башкирским деревням, расположенным на берегу реки Ашкадар. Встречался со старыми людьми.

В 1937 году куда-то исчез наш Мухаматша - агай. На уроки он не приходил. Очевидно, учителя знали, но нам не говорили, где он. Как оказалось впоследствии, его семь месяцев держали в Уфе в тюрьме, обвиняли в национализме. А он не был виновным. Его оклеветали. Через семь месяцев он все-таки вернулся в Мелеуз, продолжал обучать детей.

В те годы в татаро-башкирской школе работали учителя Абдулла Рахматуллин, Сайфетдин Баязитов, Зариф Салихов, Ахтям Исякаев, Зулайха Саттарова, Масалим Сафаров, Хуршида Рахматуллина. Все они уважали Мухаматшу Бурангулова, советовались с ним по жизненным вопросам и по проблемам обучения детей.

В Мелеузе Мухаматша Бурангулов жил в доме № 2 по улице Смоленской. Дверь его дома всегда была открыта для людей, которым он помогал чем и как мог.

Хуршида Серазеевна Рахматуллина родилась, в Мелеузе в 1900 году и всю жизнь работала учителем в школах города и района. В тридцатые годы она проводила в башкирских и татарских деревнях разъяснительную работу, приобщала людей к культуре. Старший ее сын Казбек погиб в 1942 году под Сталинградом, младший - Марган живет в Москве, работает журналистом. Муж Хуршиды Серазеевны - Абдулла Галиевич (1896 - 1938 гг.) работал педагогом в Мелеузе в татаро - башкирской школе. Хуршида Рахматуллина за успехи на педагогическом поприще награждена орденом Трудового Красного Знамени. Ей присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Республики Башкортостана. Я знаю ее хорошо. Мы жили в одном доме, в одном подъезде. Она много рассказывала о Мухаматше Бурангулове, с которым работала в одной школе. В 1969 году Хуршида Серазеевна уехала в Москву, на постоянное место жительства, к сыну Маргану. В 1975 году приезжала в Мелеуз, несколько дней гостила у нас, у своей подруги Надежды Федоровны Хохловой (ныне покойной]. С Рахматуллиной я долгие годы переписываюсь. Вот ее воспоминания о Бурангулове:

- Мы, учителя, общались с Мухаматшой каждый день. Он уже тогда был известным драматургом, сэсэном, но никогда не держался высокомерно. Был простым, доступным. С ним было интересно. Много рассказывал он об

истории башкирского народа, о его устном творчестве. В нашей школе создал литературный кружок, художественную самодеятельность и он сам руководил этими кружками. С концертами мы выезжали в башкирские, татарские деревни. Он всегда принимал в них участие, несмотря на то, что был занят творческой литературной работой. В деревнях Мухаматша собирал вокруг себя людей и рассказывал о башкирском народе, о его истории, призывал население не забывать родной язык. Бурангулов был человеком, преданным народному творчеству. В летние каникулы выезжал в деревни собирать народные песни, кубаиры, частушки. Я подружилась с его женой Зайнаб. Это была заботливая мать, милая, преданная жена. После собрания или педсовета мы оставались и просили рассказать, как он писал свои пьесы. Мухаматша охотно рассказывал.

В 1938 году он переехал в Уфу, но не терял связь с Мелеузом. Писал письма, интересовался, как идет жизнь, как проходит обучение детей. Как-то он сказал! «Лучшие годы моей жизни прошли в Мелеузовском районе. Мне понравился поселок Мелеуз, его люди, прекрасная природа района, в этих краях я вдохновенно работал над своими произведениями».

Писатель, известный историк Рашит Шакур о Мухаматше Бурангулове в статье «Буранлы Бурангул» («Буранный Бурангул»), опубликованной в газете «Йэшлек» в № 88 за 1988 год, писал:

«Мухаматша Бурангулоа в двадцатом веке в истории башкирской литературы своим творчеством оставил светлый след. Он большая личность. В своем творческом шаге он обратился к истории башкирского народа одним из первых, стал собирателем народного фольклора. Он стал ученым по изучению фольклора, знаменитым драматургом, собирателем-сэсэн, и талантливым поэтом. В 1944 году ему присвоено высокое звание народный сэсэн Башкортостана. За свою жизнь он много видел, пережил, прошел тернистый путь. Он не сломался, остался в памяти башкирского народа верным сыном, великим сэсэном».

15 декабря 1993 года исполняется 105 лет со дня рождения народного сэсэна. По этому случаю президиум Мелеузовского городского Совета народных депутатов постановил установить на доме, где он жил мемориальную доску.

3 раздел

Наследие сэсэна

18. Бурангулов, Мухамметша Абдрахманович.

Избранные произведения [Текст]: на башк. яз. / М. А. Бурангулов. – Уфа: Китап, 2008. - 488 с.

19. Бурангулов, Мухамметша Абдрахманович.

Завещание сэсэна: О народном творчестве и его создателях, свадебные обряды, старинные песни, легенды, кубаиры [Текст]: на баш. яз. / М. А. Бурангулов. - Уфа: Башк. кн. изд-во, 1995. - 352 с.

20. Бурангулов, Мухамметша Абдрахманович.

Таштугай: Пьесы [Текст]: на башк. яз. / Сост., предисл. И. Булякова. - Уфа: Китап, 1994. - 494 с.

Содержание

К читателю.....	3-4
 I. 1 раздел. Судьба башкирского сэсна.	
1. М.Бурангулов. Автобиография [Рукопись].....	5-13
2. Мухаматша Бурангулов (1888-1966).....	14-15
3. Мухаматша Бурангулов (1988-1066).....	15-17
4. Бурангулов, Нажиб. Судьба башкирского сэсна: Винным себя не признал. Арест. В лагере. На свободе, но во власти бюрократов.....	18 -24
5. Бурангулов, Нажиб. Судьба башкирского сэсна: воспоминание об отце	25-31
6. Гиляжев, Хаким. Аманат народного сэсна.....	31-36
7. Кадрмаева, Ф. История одной фотографии	36-37
8. Кинзибаева, С. «... Сберег память народную»	37-39
9. Рахимкулов, Мурат. «Человек... пропитанный фольклором.....	39-43
10. Рождение эпоса «Урал-батыр».....	43-45
11. Сагитов, М. М. Башкирские сказители и их эпический репертуар.....	45-57
12. Шафиков Г. Г. Он сберег память народную: Жизнь и судьба Мухаметши Бурангулова.....	57-75
13. Шафиков, Газим. Народный сэсэн.....	75-80
 II. 2 раздел. Душа народная хранит.	
14. Абдрахимов, Т. Он собирал сокровища духа.....	81-85
15. Имангулов, Сулпан. Светлые воспоминания о Мухаметше Бурангулове.....	85-91
16. Мухаматша Бурангулов в Мелеузовском районе.....	91-93
17. Халитов, Г. Народный сэсэн	93-101
 III. 3 раздел. Наследие сэсна.....	101